

П. Ф. ПЭТЭРС

ПАМИРСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ НИКОЛАЯ КОРЖЕНЕВСКОГО**Избранное из неопубликованного полевого дневника**

От редакции

В основу предлагаемого вниманию читателей очерка легли избранные страницы из неопубликованного полевого дневника русского офицера царской армии, любителя-путешественника, а позже известного ученого-географа и большого знатока природы Средней Азии, члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР Николая Леопольдовича Корженевского (1879—1958).

«Чрезвычайно интересный фактический материал заключен в объемистом дневнике путешествий Корженевского 1903—1914 годов, в котором Николай Леопольдович делал ежедневные записи, находясь на Памире... Однако прочитать дневник довольно сложно, поэтому он до сих пор не издан», — писал в своей книжке «Н. Л. Корженевский» (Ташкент, 1977) кандидат географических наук и заслуженный мастер спорта по альпинизму В. И. Рацек. В ранее изданной книге «Пять высочайших вершин СССР» (Ташкент, 1975) он поясняет, почему этот уникальный труд хранится не в Государственном архиве Узбекистана, а в его домашней библиотеке: «Через несколько лет после смерти Н. Л. Корженевского Е. С. Корженевская (его жена) передала мне, в качестве дара, эту объемистую книгу»... Будем надеяться, что дневник и поныне в этой семье.

«С Владимиром Иосифовичем Рацеком судьба свела меня еще в 1966 г., когда я, работая на Студии хроникально-документальных и научно-популярных фильмов Узбекистана, в поисках основы для своей дипломной работы обратил внимание на сценарий Рацека "Проблема", — рассказывает автор очерка кинорежиссер Пэт Пэтэрс. — Картина была задумана как рассказ о проблеме отступления ледников из-за всеобщего потепления климата. А это представляет исключительно важную проблему для земледельцев среднеазиатского региона. Лента, которая позже была награждена на кинофестивале республик Средней Азии и Казахстана, ввела меня не только в мир гор, но и позволила познакомиться с такими выдающимися учеными-гляциологами, как С. В. Колесник (Ленинград), В. Л. Шульц (Ташкент), Ф. Ф. Давитая (Тбилиси), М. А. Петросяни (Ташкент), Г. К. Тушинский (Москва)... С тех пор, в течение 14 последних лет жизни В. И. Рацека (он скончался в Ташкенте 13 октября 1980 г.), мы встречались с ним, обсуждая разные свои "кинопроекты", пока не остановились на персоне Н. Л. Корженевского, 100-летье со дня рождения которого было не за горами. С тех пор я не раз держал в руках дневник ученого. Почерк Н. Л. Корженевского, если не вникать в суть написанного, смотрится визуально очень хорошо. Но разобраться в написанном ввиду его витиеватости чрезвычайно трудно. Поэтому я и предложил В. Рацеку обратиться за помощью к опытным расшифровщикам, что впоследствии и было сделано. И в последние дни уходящего 1977 года, получая от Рацека традиционное новогоднее поздравление, я обнаружил там приписку: "Дневник расшифрован. Буду издавать". Вот по расшифрованному варианту дневника, полагаясь на добросовестность расшифровщиков, и были написаны несколько вариантов киносценария».

Автор нашей публикации — кинорежиссер и киносценарист Пётр Феликсович ПЭТЭРС, член Союза кинематографистов России — родился в Таллинне в 1937 г. Работал кондитером, тренером по борьбе, ассистентом кинорежиссера на «Таллинфильме». В 1965 г. окончил режиссерский факультет ВГИКА (мастерская Р. Л. Кармена). П. Пэтэрс — лауреат международных и всесоюзных кинофестивалей, автор 10 фильмов о горовосхождениях и о прикладном аспекте этого вида спорта, снятых на киностудиях Узбекистана, Украины, Таджикистана, РСФСР, Эстонии. Альпинизм — это отдельная глава в его творческой и общественной деятельности. Пётр Пэтэрс — первый из советских кинематографистов, кому удалось провести профессиональную киносъемку на вершинах таких горных гигантов, как пик Ленина (7134 м) и пик Коммунизма (7495 м). В течение ряда лет он был заместителем председателя комиссии пропаганды Федерации альпинизма СССР, а в начале 80-х освещал работу первой советской гималайской экспедиции на Эверест в качестве спецкора газет «Советская Россия» и «Комсомолец» (Ростов-на-Дону). В 1979 году Пэтэрсу был присужден литературный приз Союза кинематографистов Эстонской ССР за лучшую критическую статью года — «В защиту Вийралта».

В публикуемом ниже очерке вся орфография и пунктуация в дневниковых записях Н. Л. Корженевского приведены к современным правилам русского языка.

В городе, где я тогда жил, была «Гора» — высокая и величественная. Однако она, как это ни покажется странным, почти не привлекала моего взора. Да и люди вокруг тоже лишь изредка поглядывали на нее, что-то при этом судачили и тут же продолжали делать свои дела. По меньшей мере раз в неделю я проходил мимо, но существование «Горы» в моем сознании было столь же естественным и само собой разумеющимся, как каждодневные восходы и заходы солнца.

«Горе» от этого, разумеется, было ни жарко ни холодно, ибо она попросту была... Вполне возможно, что мое безразличие к «Горе» происходило и оттого, что по профессии я не географ, не историк и даже не геолог. К тому же я не догадался воспользоваться услугами одного «горного гида», с которым меня свела судьба. Именно в те годы я познакомился с полковником-географом, заслуженным мастером спорта по альпинизму Владимиром Иосифовичем Рацеком, одним из членов группы географов П. Н. Рапасова, открывших в 1943 г. самый северный семитысячник планеты — пик Победы на Тянь-Шане. От тогдашнего дома Рацека до «Горы» было всего каких-нибудь 15 минут хода, и стоило мне заикнуться о желании повидаться с «Горой», как оно было бы тут же удовлетворено. Действительно, чего проще! Мой путь к Рацеку, как правило, пролегал по улице Шелковичной, вблизи которой и была «Гора».

— Но постойте! — воскликнет тут читатель. — Что-то здесь не сходится! О какой же горе посреди Ташкента вы говорите? В этом городе нет вообще никаких гор. Ближайшие Чимганские горы только в пятидесяти километрах от города.

Ох уж этот зоркий читатель!

Что правда, то правда, — гор в Ташкенте нет. Более того, город представляет из себя ложбину на плоской местности, образно говоря, вдавленную в горячий песок сковородку — отчего там так и «жарит» летом.

Но гора тем не менее существовала!

Поднявшись немного по склону, уже легко было заметить в глубине широкого ущелья Сель-дары громадный вал во всю долину, почти нацело за-

*Пик Е. С. Корженевской (7105 м). Хребет Академии наук СССР.
Снимок сделан со стороны Алайской долины. Фото из архива П. Ф. Пэтэрса*

пиравший ее — конец ледника Федченко... Я с удовольствием и интересом рассматривал ущелье Мук-су¹ при освещении ясного осеннего дня. Первое, что я заметил, это то, что Борубаш течет из ледника, который спускается между западной стороной Муз-джилги и еще каким-то пиком расположенным к западу от Муз-джилги. Ледника Кара-сель мы достигли через три часа скорой езды. Лошади остались с Тохтуром в конце тропинки, а я с Халметом пошел пешком дальше, чтобы лучше рассмотреть детали. Пройдя версту по крутому склону, заваленному громадными камнями, я взобрался на конгломератовый гребень и с него стал рассматривать ледник. Нас разделяла р. Мук, идущая уже одним руслом, и два вала конечных морен ледника Кара-сель. Поверхность его представляется сильно каменистой, и притом с более значительным падением, чем я то предполагал раньше... Подъем на ледник едва возможен, отчасти по крутизне и от-

¹ Здесь и далее при цитировании сохранено старое написание всех встречающихся географических названий.

Н. Л. Корженевский, 1904 г.

части по изрытой его поверхности. *На заднем плане ледника оказались мощные ледяные горы и среди них особенно громадный куполообразный пик, который я хотел бы назвать пиком Евгении* (курсив мой. — П. П.)... Высота этого пика вряд ли меньше 25 тыс. футов². Во всяком случае, он не меньше трех красавцев Алтын-мазара³... Я сфотографировал его как в двух видах, так и ущелье Мук-су на память о своем взбалмошном путешествии.

Так была открыта гора!

Случилось это 22 августа 1910 года. У Николая Леопольдовича Корженевского, к тому времени уже известного в России путешественника и гляциолога, не было необходимости вырезать имя близкого и любимого человека на доске какой-нибудь скамейки или выводить его в виде известной заборной формулы Женя+Коля=...

2 1 фут=30,48 см, 25 тысяч футов=7620 м.

3 Речь идет о трех памирских вершинах Мазарских Альп: Музджилга (6297 м), Сандал (6080 м) и Шильбе (5820 м), располагавшихся в северной части хребта Академии наук, напротив селения Алтынмазар.

Ученый нарекал им вторую по высоте горную вершину тогдашней Российской Империи. В ту пору высочайшей географической точкой России была вершина имени покойного генерал-губернатора Туркестана К. П. Кауфмана на Заалайском хребте Памира (ныне — 7134-метровый пик Ленина). Правда, последующие 33 года привели к новым географическим открытиям, которые отодвинули 7105-метровый пик Евгении на четвертое место среди горных великанов Советского Союза. В начале 30-х гг. были нанесены на карты высочайшая вершина Памира и СССР — пик Сталина (ныне — пик Коммунизма) высотой 7495 м, а в 1943 г. — пик Победы на Тянь-Шане — 7439 м. И все же пик Евгении оказался достойным памятником глубокоуважаемой спутнице жизни. С годами к скромно названной открывателем вершине прибавилась и фамилия ее «хозяйки». Сегодня пик Евгении Корженевской очень популярен и известен среди альпинистов мира — за 60 лет восхождений сумели подняться до ее вершины около

Евгения Сергеевна Корженевская, «хозяйка» памирского горного великана. Фото 1909 г. из книги В. И. Рацека «Н. Л. Корженевский»

1500 наших и зарубежных горовосходителей, проложив туда одиннадцать оригинальных маршрутов.

Евгения Сергеевна Корженевская, именем которой и была названа эта гора, жила в Ташкенте, где в 1966—1967 гг. жил и я, не придавая тому обстоятельству должного значения. Жаль, и даже очень! «Горе» было отпущено тогда еще два года жизни.

Но обо всем этом я узнал лишь семь лет спустя, когда однажды весенним днем в Ташкенте листал пожелтевший от времени дневник Николая Корженевского, подаренный В. Рацеку Евгенией Сергеевной незадолго до ее смерти. Она скончалась в Ташкенте 5 февраля 1969 г. на 88-м году жизни. «Храню эту бесценную реликвию как бесподобный документ времени», — сказал Владимир Иосифович. — «Жаль толь-

«Горе» осталось еще полгода жизни. Донецкие альпинисты (слева направо): Петр Желоботкин, Алексей Алексеев и Виктор Русанов в гостях у Е. С. Корженевской после покорения «ее» вершины. 13 августа 1968 г., Ташкент

ко, что "Мысль" не взялась издавать ее. Академик О. Агаханянц, кажется, не лучшим образом охарактеризовал эти полевые заметки исследователя, и все встало...» После кончины В. Рацека эту историческую драгоценность, надеюсь, берегут его дочери Надежда и Ирина, последовавшие по стопам отца-географа. Приведенные выше строки и последующие мысли-наблюдения Н. Л. Корженевского взяты из этого до сих пор не изданного дневника, в котором отражены путевые заметки ученого 1903—1914 гг.

Ну а теперь настало время рассказать о самом Николае Леопольдовиче Корженевском, о географе и большом знатоке природы Средней Азии, о человеке, перешагнувшем из романтического века девятнадцатого — в наш бурный двадцатый. Возможно, именно поэтому он кажется нам человеком из далекого прошлого. Так это показалось и коренному ташкентцу Владимиру Рацеку, который жил с Корженевским в одном городе не один десяток лет. Позже он вспоминал:

В майские праздники 1937 года я был в командировке в городе Ош. С небольшой компанией работников местного комитета физкультуры и спорта мы отправились на маевку вверх по долине Акбурь⁴... С высоты я увидел на противоположном берегу Акбурь группу людей, обступивших седовласого человека. Недолго думая, по стальному тросу, натянутому через реку для измерения расхода воды, я перебрался к ним. Ребята бурно приветствовали мой смелый и безрассудный поступок. Оказалось, что это студенты третьего курса географического факультета САГУ⁵ во главе с Николаем Леопольдовичем Корженевским. Для меня это было полной неожиданностью. Корженевского я считал по крайней мере сподвижником Пржевальского, давно умершим. С группой студентов я и провел остаток дня. Нужно ли говорить, с каким вниманием мы слушали удивительные рассказы этого эрудированного человека, наделенного, кстати, еще даром великолепного рассказчика. Николаю Леопольдовичу не было тогда и шестидесяти лет.

А родился будущий маститый географ 19 февраля 1879 г. в селении Завережье Невельского уезда Витебской губернии (ныне — Псковская область) в дворянской семье. Отец Леопольд, литовец, был родом из Ковенской губернии, а мать — полька. Здесь, возможно, у читателя возникает сомнение: не перепутаны ли национальности родителей? Но нет. В Центральном государственном архиве Узбекистана⁶, где хранятся личные документы Корженевского, я видел автобиографию ученого, им собственноручно написанную. Вскоре после рождения Николая семья Корженевских переехала в Костромскую губернию. Детство и школьные годы будущего ученого прошли в усадьбе Нероново Солигаличевского уезда, где его отец, специалист по лесоводству и агрономии, занимал место управляющего. В 1897 г. молодой Корженевский окончил костромское реальное училище и намерен был продолжать учебу в университете. Однако этой мечте не суждено было сбыться. Неожиданная тяжелая болезнь отца существенно сказывалась на материальном положении семьи, и мечту о высшем образовании пришлось поменять на учебу в Киевском военном училище.

Приобретенные еще в юношестве такие качества, как целенаправленность и организованность, выдвинули молодого Корженевского сразу в когорту лучших юнкеров училища. В 1901 г. по окончании училища для прохождения дальнейшей

4 Река, протекающая через город Ош.

5 Среднеазиатский государственный университет (ныне Ташкентский государственный университет).

6 Личный фонд Н. Л. Корженевского (Р-2273; 235 ед. хр.) был приобретен архивом в 1961 г.

службы он имел право выбирать любой гарнизон государства, Петербург включительно. Однако новоиспеченный подпоручик (младший лейтенант) изъявил желание служить в захолустном городишке Ош в окраинном Туркестане. (Так называлась территория, приблизительно соответствующая сегодняшним Узбекистану, Киргизии и Таджикистану вместе взятым.) Такое решение озадачило педагогов училища во главе с генералом Шуваевым — одаренный юнкер был у них давно уже на примете, и они имели на него свои виды. Но годы учебы в училище превратили Корженевского в дисциплинированного и физически закаленного молодого человека, который умел ценить время; его пытливый ум искал более широкое поле деятельности. А заброшенный богом и людьми Ош именно это и сулил ему — город был воротами на Памир. Через него прошли памирские экспедиции Б. Л. Громбчевского, Г. Е. Грум-Гржимайло, М. М. Воскобойникова, И. В. Мушкетова, Н. А. Северцова, А. Шульца, Б. А. Федченко и многих других...

Направляясь на место службы, Корженевский выбрал, на взгляд современного читателя, несколько странный маршрут — через Каспийское море. Но в те времена это был, пожалуй, один из самых распространенных путей в Туркестан. Не обошлось и без приключений — по дороге у него украли чемодан со всем его небогатым скарбом. В Ош он прибыл с двадцатью копейками в кармане, да и те достались извозчику, привезшему молодого офицера в штаб 10-го Туркестанского стрелкового батальона.

В начале XX века Ош был небольшим уездным городком, где проживали 15—20 тысяч человек. Разумеется, не было там общественной жизни, стоившей упоминания, отчего многие офицеры картежничали и убивали время в гулянках. Николай Корженевский выбрал иной путь: ни минуты без дела. В свободное от работы время он стал мастерить себе электрическую динамо-машину, которая, к великому удивлению сослуживцев, давала ток. «Возни с устройством моей электростанции было очень много, но это с лихвой вознаграждалось тем удовлетворением, которое я получил, когда в моей комнате вспыхнули первые лампочки», — не смог он сдержать своей радости.

В числе его первых служебных дел была организация гелиографной связи (устройство для передачи световых сигналов по принципу отражения солнечных лучей) между городами Ош и Джалал-Абад. Николая Корженевского назначили руководителем специальной команды. Подготавливая себя к выполнению новых обязанностей, Корженевский стал целыми днями пропадать на Ошском телеграфе, овладевая техникой приема и передачи телеграмм. С этим делом он, по свидетельству очевидцев, справлялся основательно. Вскоре новый гелиограф установили в центре Оша на вершине горы Сулейманташ (Сулейман-и-Тахта). Жителями Оша не осталась незамеченной увлеченность молодого подпоручика, и они «наградил» его титулом «профессор», который Корженевский стал официально носить лишь четверть века спустя. Но тогда это прозвище досталось ему из-за его «профессорской» рассеянности. Словом, он ушел с головой в свою туркестанскую жизнь. Только вот мечта о памирском путешествии не давала покоя. Да тут еще масла в огонь добавили только что прочитанные сочинения начальника Памирского отряда капитана А. Е. Снесарева «Краткий очерк Памира» (1902) и «Памиры» (1903). Отметим, что капитан Андрей Евгеньевич Снесарев — впоследствии крупный русский и советский востоковед и военачальник (генерал-лейтенант), а также узник Соловецкого лагеря, где он и скончался.

Но вот мечта сбывается!

По распоряжению штаба округа на Корженевского возлагают организацию на Памире беспроволочного телеграфа для нужд Памирского сменного отряда.

Наконец-то он сможет отправиться на Памир!.. Для этого он срочно командует в Ташкентскую астрономическую обсерваторию для занятий по определению астрономических пунктов и метеорологических наблюдений. Ему нужен целый ряд приборов, и он их получает в Ташкенте. Похоже, что именно здесь Корженевский приобретает ту самую толстенькую тетрадь в черном коленкоровом переплете, ставшую тем дневником, который мы в дальнейшем не раз будем с Вами, дорогой читатель, перелистывать. Он вносит туда список полученных приборов: карманный хронометр Фродзама, барометр-анероид Нейя, барометр-анероид Рейнахера, гипсотермометр Фуса, малый круг Гистора с ртутным горизонтом, термометр воздуха, фотографическая камера, компас... Далее он очерчивает себе план-задачу. Для Общества акклиматизации, например, «собрать семена и корневища красивоцветущих или душистых высокогорных растений. Приложить и засушенные растения для определения вида, и краткие сведения: на какой почве, высоте и прочее». Для Общества земледелия ему необходимо вести «наблюдение над световыми явлениями на больших высотах...» Но основной круг вопросов связан с Горным обществом: «Описание путешествия с фотографиями; метеорологический журнал; собрание горных пород и минералов; формы оледенений ледника, морены, мощность, движение, характер, форма поверхности в связи с физическими и геологическими условиями; Зорь-куль. Полное описание и исследование органической жизни; гербарий; черепа животных; туземцы (раса, рост, форма головы, цвет волос и глаз, быт, одежда)...»

И вот распахнулись ворота на «крышу мира».

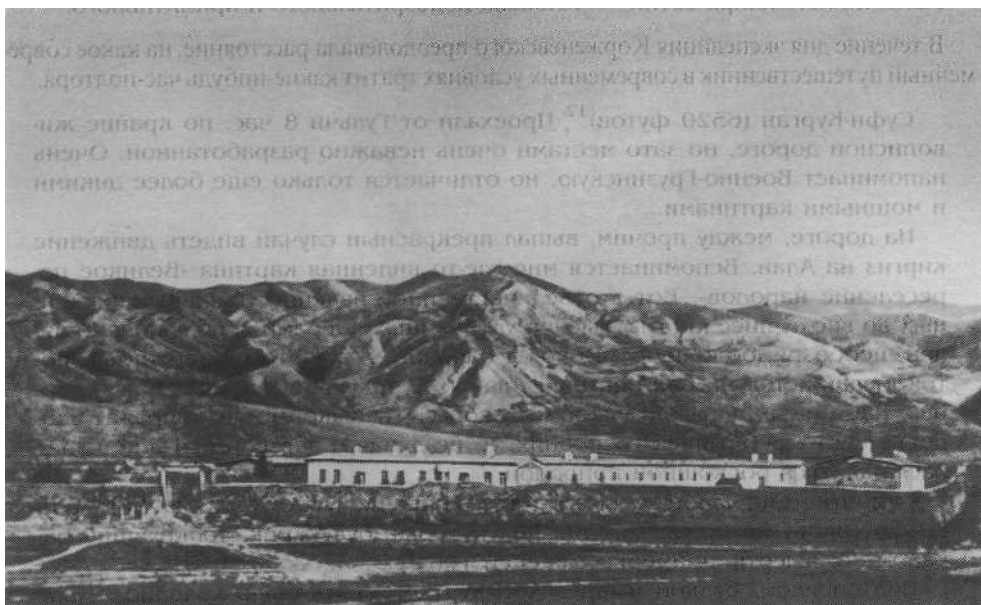
Ранним утром 22 июня 1903 года небольшой экспедиционный караван Корженевского и его немногочисленные спутники: солдат Ошского гарнизона Семен Сазонов и многоопытный караванщик Мирзамат покинули город Ош. К концу трудного дня они добрались до небольшого поселка Гульчи, где и остановились на ночлег. А на следующий день, в 4 часа 40 минут пополудни, Николай Леопольдович открыл в Гульче свой дневник и под заголовком «Путешествие на Памир, в Вахан⁷ и Шугнан⁸» записал туда черными чернилами свои первые впечатления:

Остался один совершенно, один со своими думами и чувствами... Остался один на два месяца, а может и больше. В душе какая-то пустота. Нет желаний, нет и великой потребности анализировать свою цель и поступки. Впрочем, думаю, что это безразличное состояние есть нечто временное... Приехали вчера в Гульчу поздно, и крайне утомленные... Пришлось одолевать два очень тяжелых, особенно на спусках, перевала «Така» и «Гул-таш». Лошади с величайшим трудом шли на низ, а мой охотник и кирекеш⁹, которым пришлось трудиться на перевалах в темную ночь, прямо таки замучились, одолевая проклятые спуски. Тропинка порой совершенно теряется в массе камней и приводит к крупнейшим отсыпям. Прямотаки непостижимо, как, без видимой тропинки, при отчаянных нажимах, шла вьюченная лошадь с моими приборами и пожитками. А между тем, хотя очень поздно в ночь, но все-таки благополучно, ежели не считать побитого воздушного термометра, кирекеш с охотником попали в Гульчу. Спины лошадям, впрочем, набили порядочно, так что ввиду этого решили тут устроить дневку.

7 Вахан — юг Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана.

8 Шугнан — Хорогский район, земли вокруг современного Хорога.

9 Караванщик.

Гульча — русское укрепление на Памире. Фото 1895 г. из архива РГВИА

С перевала «Така» открывается очень красивая панорама... На оз. Кап-ланкуль¹⁰ встретили множество уток, и это обстоятельство дало повод от души пожалеть мне и моему спутнику о том, что не захватили с собой дробовика.

Сегодня проснулся поздно и пошел осматривать Гульчу. Выглядит неприветливо и сиротливо. Кругом толпятся зеленые, дикие горы. Шумит монотонно река, а ежели представить пасмурный, дождливый день, то в результате получается впечатление очень неважное. Впрочем, сейчас вот показалось солнышко, и день, пожалуй, окажется хорош.

Фотографировал этот богом забытый поселок с памирской дороги при большом северном ветре. Произвел гипсотермические наблюдения.

Несмотря на отсутствие достопримечательностей, Корженевский задержится в Гульче на целых три дня. Причиной тому, по всей вероятности, было состояние лошадей, не позволяющее продолжить путь. Следующая запись в дневнике сделана 25 июня, надо полагать, перед продолжением дороги¹¹.

Вчера до 12 час. ночи сидел в квартире Качурина, казака-офицера Гульчинского гарнизона. Со сменным отрядом он с женой, молодой пухленькой дамочкой, идет на Памир в качестве начальника восточных постов. Вопреки своему обыкновению, он был вполне трезв, и как хозяин оказался очень

¹⁰ Тогда дорога шла через это озеро, в отличие от сегодняшнего Памирского тракта, который проходит через перевал Чигирчик.

¹¹ Здесь и далее даты даны по новому календарю, хотя Корженевский в годы первых своих путешествий приводит оба стиля, например «Гульча 12/25».

сердечным и радушным человеком. Повествовал о всякой всячине и жаловался на командира сотни — человека подозрительного и примитивного.

В течение дня экспедиция Корженевского преодолевала расстояние, на какое современный путешественник в современных условиях тратит какие-нибудь час-полтора.

Суфи-Курган (6520 футов)¹². Проехали от Гульчи 8 час. по крайне живописной дороге, но зато местами очень неважно разработанной. Очень напоминает Военно-Грузинскую, но отличается только еще более дикими и мощными картинами...

На дороге, между прочим, выпал прекрасный случай видеть движение киргиз на Алай. Вспоминается мне где-то виденная картина «Великое переселение народов». Вот это величественное явление. Тысячи наряженных во все лучшее киргиз, тысячи увенчанных коврами верблюдов, лошадей, необозримое количество коз и баранов — все это неудержимым потоком движется на благодатный Алай. Это праздник народа. На обширных пастбищах Алая он выкормит свой скот, выкормит и поправит здоровье своих ребятишек господних, и, не думая о завтрашнем дне, будет наслаждаться роскошной природой.

Самочувствие хорошее: высота места пока не чувствуется. Да! Чуть-чуть в мою голову не попал сегодня полупудовый булыжник, толкнувший бараном¹³ с высоты примерно сажень 100¹⁴.

Под одеялом, буркой и шведской курткой спать было холодно. Пульс вчера вечером был 94, теперь 90.

Далее все новые и новые впечатления, «разбавленные» всякими расчетами, результатами метеорологических наблюдений и рисунками-набросками. Как интересно оказаться во времени почти вековой давности!..

26 июня, в пятый день пути:

Мой кирекеш Мирзамат, оказывается, человек очень бывалый, знает хорошо Памирскую дорогу на Шугнан и Вахан.

На ужин для плова купил курдюк барана, а то Сазонов не переваривает консервы. Говорит, что от консерв «болит сердце» и крепко тошнит. Заплатил за барана Зр.50коп. и теперь, освежевавши, приступили к заготовлению впрок. Перед тем, как варить голову, мои мясники, кирекеш и Дадабай, вытащили зубы, говоря, что они портят при варке вкус остального мяса.

Кочевники в Караколе очень богатый народ.

Ночью часов около 2-х меня разбудил страшный шум и дикие крики кочевников. Как потом утром оказалось, этот невозможный концерт вызван появлением пяти волков... Внимательность киргиз нарушила их планы, и они мирно отправились в горы.

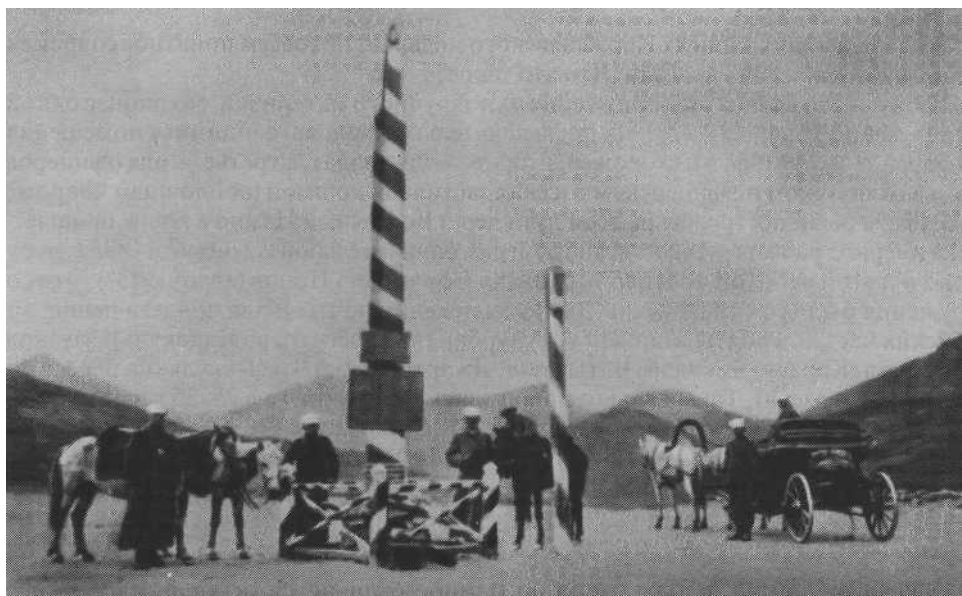
Непонятно, как киргизы, а особенно ребятишки, выносят такой холод. Эти маленькие дикарки в одних рубашонках (яйтах) бегают и шалют на дворе при температуре 5—8°.

В юрту опять набились киргизы. Молодая киргизка кормит грудного ребенка, распахнувшись почти до пояса. Святая простота!

¹² Здесь и далее слова: фут, верста, урочище, перевал и некоторые другие расшифрованы безоговорок.

¹³ Так в дневнике.

¹⁴ 1 сажень=Заршина=7футов=2,134метра.

Перевал Талдык. Фото 1901 г. из архива А. Г. Шпилько

29 июня.

Бор-даба (10.720)¹⁵. Наш старшина убежал сопровождать таможенного иркештанского¹⁶ чиновника Цагина, который, по словам киргиз, стал решительным в разговоре и расправе с кочевниками, что те при одном слухе о приезде Цагина разбегаются по горам, оставляя свои юрты на попечение жен и маленьких ребятишек. Благодаря этому «таможенному изгону», мы остались без поживы и всего необходимого для 5-дневного пути по пустынному Памиру до Памирского поста.

Дорога на Кызыл-арт¹⁷ хорошо разработана, и благодаря пологому подъему этот перевал более доступен, нежели перевал Талдык¹⁸.

Высота места (13400 футов) на этот раз мною чувствовалась и выражалась в затруднительном дыхании... За перевалом начинается, собственно, Памир. Встретил он нас снегом и пронзительным ветром. Особенно нам досталось от этих деятелей в верховьях реки Маркан-су.

Переход очень утомительный, как по большой абсолютной высоте (12400—13200), так и по однообразию и пустынности ландшафта. Кар-

15 По-видимому, это высота местности в футах.

16 Иркештан — пограничный пункт на границе с Китаем.

17 Перевал надороге.

18 Перевал на нынешнем и тогдашнем тракте Ош—Хорог; дорога через этот перевал была построена в 1893 г. начальником Ошского уезда подполковником Б. Л. Громбчевским при участии инженера путей сообщения А. Е. Мицкевича; во времена поездок Н. Л. Корженевского на верхней точке перевала стоял обелиск с надписью «Перевал Талдык... От Гульчи 88 верст».

тины эти порождают такую меланхолию, что хоть поворачивай назад...
Путь по этой дороге носит явление слабой деятельности ледников.

В последующих записях Корженевского мелькает не совсем понятное современному читателю слово «рабат». Что это такое?

Рабат — это сводчатое сооружение из подручного материала, без окон, с одной-единственной дверью и с тремя последовательно располагающимися помещениями: первое — для очага и сторожей, второе — для солдат, а третье — для офицеров. Пол в солдатском и офицерском отсеках застилали кошмой (войлочным ковром).

Рабаты были построены на всем пути через Восточный Памир в конце прошлого века в период работы русско-английской разграничительной комиссии в 1895 г., и руководил этой работой полковник Михаил Ефремович Ионов (1846—1923?). Эти сооружения были предназначены для продвижения почты и для ночлега пеших армейских частей. Рабаты Маркансу, Тукурбай (на берегу озера Каракуль), Музкол, Акбайтал, Карасу, Чикавай, Чатырташ, Джартыгумбез, Сасыккуль (на берегу одноименного озера), Тагаракты располагались друг от друга в 25—35 верстах, т. е. в пределах однодневного пешего перехода. Во времена путешествия Корженевского в иных рабатах еще трудились сторожа и там были сменные лошади, но наш исследователь останавливался лишь в отдельных из них — нередко он преодолевал в день 40 и более верст.

2 июля.

Река Ак-байтал (рабат). Небо на Памире отличается особенно яркой и темной синевой.

Да, позабыл! По выезде из Кара-куль меня догнал кирекеш и просил по приезду на Памирский пост доложить начальнику, что они — погонщики ишаков, нагруженных материалами для памирских построек, остались без хлеба и голодают, а ишаки от бескормицы — дохнут.

4 июля в 19 часов:

Вот уже третий день живу на забытой богом и людьми земле на Памирском посту.

Читатель уже не раз встречается со словами «Памирский пост» или «Пост памирский», но, пробежав глазами по современной карте, такового не находит. Канул в Лету?.. Дело в том, что во времена строительства на Памире цепи рабатов было также решено воздвигнуть среди них и одно сооружение более обстоятельного характера — Памирский пост. В 1893 г. трудами солдат и казаков памирского отряда под техническим руководством военного инженера Адриана Георгиевича Серебренникова на месте впадения реки Акбайтал в реку Мургаб и была выстроена небольшая крепость под названием — Пост памирский.

«... 16 июля приступили к работе... 22 июля был заложен первый камень, а к 1 ноября были уже закончены приемный покой с аптечкой, офицерский флигель с канцелярией и общей столовой, две полуротные землянки, кухня с хлебопекарней, баня, и насыпан бруствер», — вспоминал позже начальник памирского отряда Василий Николаевич Зайцев, тесть уже упомянутого востоковеда и военачальника Андрея Евгеньевича Снесарева... С годами Памирский пост расширился, а его военное значение несколько уменьшилось, и он уже стал называться городом Мургаб (по названию одноименной реки)¹⁹. Но выстроенный тогда Памирский пост

¹⁹ В настоящее время здесь базируется Памирский пограничный отряд СНГ, а фактически — русский.

*Памирский пост (ныне таджикский город Мургаб).
Фото 1902 г. из архива Е. А. Снесаревой*

был не только форпостом русской армии на Памире, о чем свидетельствует знаменитый шведский путешественник Свен Гедин²⁰, гостивший здесь уже в следующем, 1894 г.

На путешественника-чужестранца Памирский пост производит самое отрадное впечатление. После долгого утомительного пути по необитаемым, диким горным областям попадаешь вдруг на этот маленький клочок великой России, где кружок милейших и гостеприимнейших офицеров принимает вас, как земляка, как старого знакомого.

В общем, Памирский пост живо напоминает военное судно. Стены — это борта корабля, необозримая открытая Мургабская долина — море, крепостной двор — палуба, по которой мы часто гуляли и с которой в сильные бинокли обозревали отдаленнейшие границы нашего кругозора, на котором по вторникам появлялся одинокий всадник. Это джигит-куррьер, возящий желанную почту из России. Прибытие его составляет настоящую эпоху... По получении почты весь день проходит в чтении, новости с Родины поглощаются с жадностью, и за обеденным столом офицеры обмениваются друг с другом полученными сведениями и впечатлениями, произведенными на них важными событиями, произошедшими в последнее время там, далеко, в водовороте мирового океана жизни... Отношения между офицерами и командой наилучшие. 30 человек солдат за отбытием срока службы должны вернуться в Ош, и трогательно было видеть, как при прощании офицеры, по русскому обычаю, трижды целовались с каждым из уходящих нижних чинов...

20 С. Гедин. В сердце Азии. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1899. Цит. по: Памир. М., 1987, с. 87.

Такое же отношение к нижним чинам было и у Корженевского. Будучи в 1912 г. по пути в Кашгар вновь в этих краях, он занес в дневник:

Сегодня проводили пехоту... Эх ты, мил русский солдат! Исколесил же ты своими святыми ножками простора земного! Идешь ты, потряхиваешь котелком, и далеко в степь разливается твоя песня, то ровная, как пустыня, то веселая, как блеск солнца в пасмурный день, то печальная и жалкая, как длинная осенняя ночь... В добрый путь!

Но что же увидел Корженевский на Памирском посту тогда, 4 июля 1903 года?

Пост даже вблизи плохо виден, и только за версту можно различить фасы укрепления и постройки. При въезде окружили нас нижние чины поста и с нескрываемой радостью смотрели на нас, пришельцев из далекой Ферганы. Через несколько минут появился Конюхов²¹, обрадованный появлением нового человека, начал осыпать меня вопросами о том, что делается на белом, дальнем свете...

Приятно было до бесконечности после 10-дневного блуждания по нашим необычайно высоким безлюдным горам, впроголодь, с большими неудобствами, чувством тяжести в груди и головной болью, очутиться в культурной обстановке, вдохнуть полной грудью, хотя разреженный, но много меньше прежнего горный чистый воздух и от сартовской²² лепешки перейти к нормальному обеду.

Высота места, обнаженная картина гор, непрерывистый ветер, лютые морозы и полнейшая изолированность от великого мира земного, одиночество, отсутствие женщин — все это привело к тому, что очень немногие из памирских офицеров возвращаются здоровыми и нормальными на родину. Обыкновенно сердечные пороки и страдания нервной системы, до умопомешательства и смерти включительно, бывают наградой памирскому труженику-отшельнику... Сама природа как бы подчеркивает невозможность органической жизни в этом мертвом царстве. Ничто тут не развивается и не плодится. Беременные женщины и самки животных не смогут разродиться на Памире и сходят в долины меньшей высоты для рождения. Произведенные на свет в пределах Памира заболевают от недостатка кислорода в воздухе... Только один терескен, некрасивый, корневатый кустарник может спорить с суровой здешней природой, давая человеку хорошее топливо, поддерживает его тусклую жизнь.

7 июля.

Кара-су (27 верст). 9 час. (Уход с поста.) Дорога идет сперва вниз по течению Мургаба, а на 10—12 версте поворачивает влево и ведет в долину р. Кара-су. Около дороги располагаются мощные лёссовые отложения²³ и обширные конгломератовые образования в виде отдельностей и столбов.

На вершине барометры показали: Нейя — 458,2 (t=20°), Рейнахера — 564,0 (t=19°), что отвечает высоте 12800—13000 футов, но такая почтенная цифра совершенно не чувствовалась. Значит, привыкли. Пишу сейчас

21 Поручик Петр Аполлонович Конюхов, начальник Памирского поста.

22 Т. е. крестьянской.

23 Рыхлая горная порода светло-желтого цвета, на которой формируются плодородные почвы.

лежа на животе в юрте богатого бая. Имеет эта шельма до 1000 баранов, 80 кутасов и массу прочего скота... Сильнейший ветер провожал нас с момента выезда до прибытия в эту юрту. Порою его напряжение достигало такой степени, что лошадь приостанавливалась... Вообще на Памире, невзирая на лучшую пору, как июнь месяц²⁴, ветры составляют довольно значительную роль. Зато как бы хорошо и выгодно было эксплуатировать силу этого ветра для промышленных целей путем ветряков. В этом месте, как, например, долина Аличура, и масса других, он являлся бы деятельным и продуктивным работником.

Всю дорогу сюда слушал пение моего проводника-джигита, непрерывно подзадориваемый весельчаком Сазоновым. Пел он всевозможные вещи от лирических до исторических включительно. Мне кажется, что я начинаю разбираться в однообразии туземных мелодий. Во всяком случае мое ухо, благодаря значительному опыту, привыкло уже фиксировать многочисленные оттенки и различать одну мелодию от другой.

9 июля.

От богача из Кальта-чулюка выехали в 9 ч. и на 5-й версте, перейдя бродом около Мазара р. Аличур, пошли по ее левому берегу на юго-запад... Попадались немало стад баранов и кутасов, порою в тысячи голов. Это все добро аличурских богачей, откочевавших сюда с р. Памира и Зоркуля. На 10-й версте нас встретил аличурский амин Якуб со своим мирзой и толмачом-джигитом. После глубокого «кулдука»²⁵ и обычных приветствий он пригласил нас заехать к нему в юрту отдохнуть и закусить. Тут же было решено и относительно проводника на Кумбол и Зоркуль в положительном смысле, и мы рысью направились к радушному амину. Там нас ожидали в богато обставленной, конечно в киргизском смысле, юрте. Горячие сдобные «баурсаки»²⁶ и зеленый «кок-чай». Получилась благодаря этому очень приятная, в желудочном смысле, остановка... День все время был прекрасный, безоблачный. Яркость света была так велика, что смотреть на окружающую местность без помощи синих очков было чрезвычайно трудно и больно для глаз.

11 июля.

Мои желания исполнились. Сегодня я был на оз. Виктория (Зоркуль)... Проснулся я около 6 ч. утром, благодаря яркому свету вообразил, что наступил солнечный день. На самом деле оказалось, что встал снег вершка на два²⁷ и вдобавок продолжает идти. Положение было не из приятных.... Попадались атайки²⁸, и своим жалобным криком, мяуканьем еще больше портили и без того невеселое настроение. Наконец берега нашей порожистой реки²⁹ немного разошлись, тропинка вывела на правый, открытый берег, сплошь покрытый снегом, и через полчаса мы были на желанном Зоркуле. На первых порах оно поразило меня своими неожиданно

24 По новому стилю — июль.

25 Правильнее — култук. Объятие.

26 Жаренные лепешки в масле.

27 Приблизительно 9 см.

28 Разновидность уток.

29 Речь идет о реке Памир.

большими размерами, но к концу моего пребывания на нем, когда снежная метель немного успокоилась и очертания берегов до некоторой степени определились, можно было составить о нем более точное и верное понятие. В длину оно простирается верст до 18, а в ширину до 3,5 в наиболее широкой восточной части, представляя таким образом вытянутый эллипс, большая ось которого расположена с запада на восток. Доступно оно со всех сторон, так как большие снежные горы расположены несколько поодаль... Озеро пресное, с несомненными признаками рыбы. Вода серо-стального цвета с побежалостями, высокой прозрачности. Дно песчаное... Стоя на берегу озера и слушая прибой волн, я задумался и мысленно перенесся... в несомнимое понятие: холодный, дикий, высокий Памир и моя милая равнинная, чуть всхолмленная, лесистая родина!

...Дело шибко не ладилось. Какой-то «благодетель», вероятно, на Памирском посту выпил спирт, находившийся в походной фляжке, и для скрытия следов преступления разбавил остатки водой. На последней остановке на Сосык-куль, после гипсотермических наблюдений, я доливал лампочку из своей фляжки и, значит, доливал вместо спирта почти чистой водой. Вот это грустное дело на Зор-куле и обнаружилось.

12 июля.

Юл-Мазар. Сегодня Петров день, а холод невозможный! Получается почти невероятное, если сопоставить то, что сегодня происходит дома... и что мне приходится испытать здесь!

От нашей ночевки в Джаканде до него³⁰ будет около 40 верст. Выезжать было неохота. Ночью шел все время снег, а на рассвете стал мешаться с дождем... К нашему благополучию выглянуло к концу пути солнышко и немного обсушило нас и обогрело. Ввиду этого начал мурлыкать «Ты взойди, солнце красное», чудную волжскую песню и вспоминаю милых исполнителей этой песни в Ташкенте.

14 июля.

Уул. 7 час. Дорога от Юл-Мазара на Лянгар, при всей своей живописности, протянулась для меня до невозможности. Причиной тому то, что тропинка поминутно то спускается в глубокий овраг реки Памир, то подымается почти до линии вечного снега. На 20-й версте от Юл-Мазара на левой стороне реки открывается прекрасная панорама снеговых гор, и, наконец, перед самым Лянгаром, вырисовывается долина Пяндж. Душа радуется, когда после безлюдных, каменных памирских громад взор ласкается массой зелени и грудь жадно получает ароматный воздух полей.

Таджики народ стройный, высокий, красивый, ясно выраженного европейского типа, они производят своим видом и прекрасным мягким языком впечатление весьма хорошее. Забиты они только и нерешительны до крайности. Жены их ходят с открытыми лицами, распущенными волосами и в достаточной степени неряшливы. Костюм их составляет холщовая или особого шугнанского сукна рубашка и такого же материала шаровары. Попадают среди них очень хорошенькие, но с появлением постороннего, особенно европейца, стараются скрыться, потому что в противном

30 Имеется в виду Юл-Мазар.

случае им попадет от мужей. Живут они очень бедно. Главную жизнь их составляют молочные продукты и особый вид бобов.

*15 июля*³¹.

Выслушал от Галявинского³² объяснение слова Памир. Он убежден, что это слово имеет следующее происхождение: «по-и-мор» на персидском языке означает «подножие смерти». Отсюда, по его мнению, наш испорченный «Памир».

20 июля.

Ишкашим (Вахан), р. Пяндж. Случилось в эти дни нечто, принудившее меня изменить немного свои планы. Мирно выехали с казаками из Птуйа на Ишкашим, я в кишлаке... встретил «тюрей»³³ — Николая Трофимовича Давыдова, заведующего хозяйством Памирского отряда, и Евгения Владимировича Скобина, направлявшихся, как мне еще в ночь сообщили прибежавшие таджики, в Лянгар, к Галявинскому. Начались приветствия и расспросы, и меня силком вернули назад в Лянгар, чтобы провести вместе вечерок, а затем на другой день вернуться в два перехода на Ишкашим вместе с начальником поста Скобиным. Станным кажется, между прочим, как не дорожат памирские обитатели своим временем и пространством. Проехать, например, к товарищу на рюмку водки в три дня за 300 верст, как это сделал Давыдов, дело по памирским понятиям пустяковое, плевое. Нужно, впрочем, признать, что не имея такого обыкновения, привычки к невероятным переходам в нашем европейском смысле, памирским обывателям пришлось бы очень плохо, и они были бы обречены на полнейшее одиночество... Вернулись на Лянгар и сочинили там выпивку и гулянку. Все необходимое привез Давыдов, нижним чинам выдали спирту до отказа, и попойка началась. То грустные, полные тоски наши чудные песни, то бешеные, страстные пляски с громом хохота, свиста всю ночь раздавались в Вахане в пустынных горах.

21 июля.

Около 8 ч. вечера, страшно измучившись после 80-верстного перехода, мы приехали в Ишкашим... Кругом надвинулись мрачно горы, к реке³⁴ расстилается облепиховый лес, низкорослый, колючий. Жизнь на посту тяжела, безотраднa.

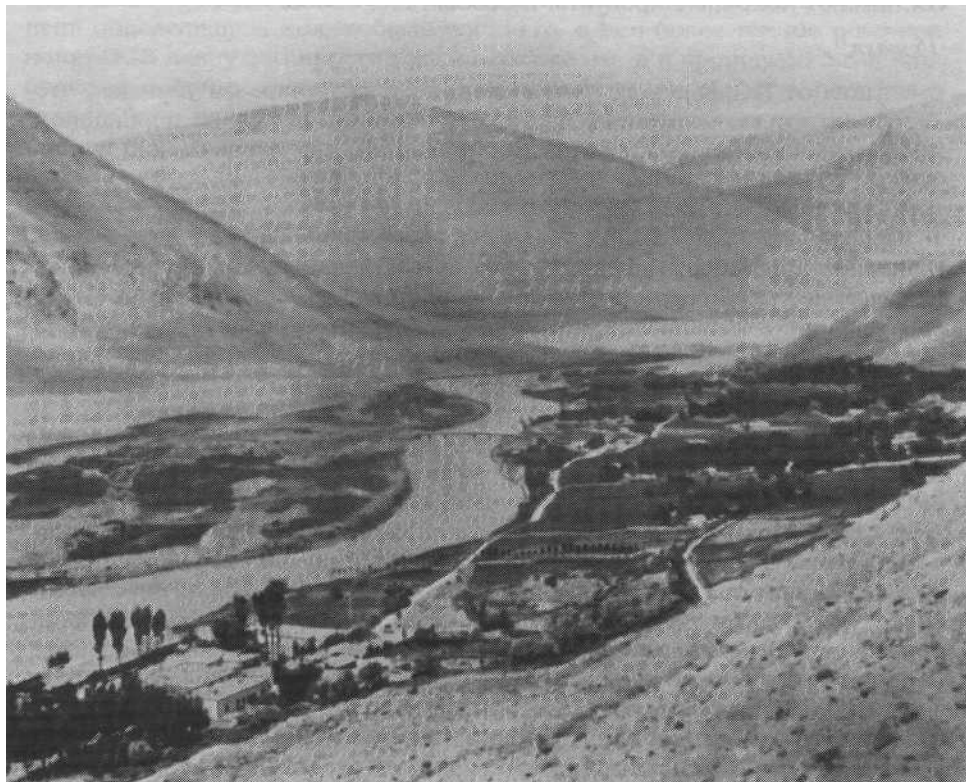
Гиндукушский суховой своим воем и ревом один нарушает могильное спокойство окружающей обстановки. Редкий начальник поста добром кончает свое пребывание на мрачном Ишкашине. Одного поражает меланхолия до помешательства, другой стреляется, как некоторый поручик Глуздовский... Невыразимо тяжело становится, когда подумаешь, как далеко он, сердешный, закопан от родины, и как он много выстрадал, живши на этом проклятом посту.

31 Вероятно, в Лянгаре.

32 Виктор Георгиевич Галявинский, начальник Лянгар-Гиштского пограничного поста.

33 Вероятно, гонец или гость.

34 Имеется в виду река Пяндж.

Вид города Хорог, 1913 г. Фото Г. А. Шпилько

22 июля.

Хорог (Шугнан). 9 ч. Сейчас получил депешу о смерти моего милого, дорогого папы. Мама телеграфировала, что 13-го, т. е. в то время, как я был уже в Суфи-кургане, он скончался.

25 июля.

19 ч. Сегодня после обеда прощаюсь с Хорогом. Эти дни, благодаря телеграмме, не отдохнул, как можно было бы ожидать, а, пожалуй, еще более измучился в нравственном смысле. Не могу спокойно ни душой, ни телом заниматься чем-нибудь, все как-то утратило свой интерес и привлекательность.

Хорог расположен на самой реке Гунт, шириною в этом месте до 15 сажень. Река глубокая, с чрезвычайно быстрым течением. Водятся османы, усачи, моринка...

Лошадь моя совсем расхворалась... Здесь предложили мне купить новую лошадь, так как рана по своему свойству заживет не ранее, как недели через 2, а нанимать все время лошадь дорого, а кроме того, и до-

стать ее очень трудно. Ввиду этого я устроил сделку, по которой получил взамен своей лошади ...³⁵ иноходца и приплатил владельцу 20 руб. Значит, новая лошадь стоит уже 62 руб.

26 июля (предположительно).

Кишлак «Ривак» (Шугнан). 32 версты. Пообедавши в обществе моих хогорских знакомых и напившись чаю, на этот раз с настоящим сахаром, а не тутовым, как питалась тут братия все это время, и благословясь, в сильный жар выехал в Ривак. День яркий и ясный, на небе ни облачка. Тепло немилосердно. Надо мной погода вообще смеется. Как в дорогу — жара, а приедешь на место, вместо желанных астрономических наблюдений, требуемых ясного дня, наступает пасмурная и ветреная погода. Так было в Ишкашиме, Зор-куле и Хороге. Дорога на первых верстах напоминала ишкашимскую, т. е. идет с перевала на перевал, но вскоре принимает более ровный характер. Местность очень живописная, что имеет значение также вдвойне, так как эта живописность для меня уже попримелькалась.

Ривак очень картинно расположен в ущелье Гунта среди густой, тенистой зелени, но беднота, как вообще в большинстве таджикских селений — страшная. И с этих полуголых людей драть еще «зякет»³⁶?

27 июля.

Урочище «Джеланды», на реке Токуз-булак (почт. юрта), 37 верст от Ванкала. Вчера ничего не записал — был измучен 60-верстным переходом, но, кроме того, и нервы были не в порядке. Вспоминался все время мой покойный труженик папа, вспоминалась и полная счастливая жизнь с ним в нашей семье, и невольно, при одном воспоминании о той поре, сопоставляемой с теперешним положением дел, пошатнувшимся хозяйством, моей отрезанностью от всего для меня дорогого и беззаветно любимого, подступили к горлу рыдания, и становилось невыразимо и безотчетно тяжело... Дорога до Ван или, точнее, Афган-кала скучная, однообразная, для меня примелькавшаяся всевозможными горными пейзажами... Местность до Джеланды как две капли воды похожа на минувшую долину Гунта, одно только бросается в глаза — уменьшение зелени как в качестве, так и в количественном отношении, да и чаще стали покрикивать сурки. Верстах в семи от Афган-кала пришлось переехать Токуз-булак по таджикскому мосту. Сооружение, как и все вообще таджикские постройки такого рода, удивительное и головоломное. Обошлось, положим, все благополучно. День был жаркий — невзирая на высоту места (11800—12000) и на дорогу, у меня пошла кровь из носа. К этому неблагоприятию нужно прибавить и то, что на хронометре лопнуло стекло. Виноват перочинный ножик, и если взглянуть на дело по старозаветному, — то понедельник.

29 июля.

Озеро Сосык-куль, 5 ч. Опять, после многих мытарств, переездов, многочисленных недоеданий, недосыпаний попал на озеро Сосык-куль.

35 Слово написано неразборчиво.

36 Т. е. подать.

6 августа.

Озеро Кара-куль (рабат). На дороге случился инцидент, чем окончится, неизвестно, но во всяком случае очень болезненный. Неподалеку от рабата, объезжая караваны вьюченных лошадей с двумя киргизами, меня лягнула одна из лошадей, и так, что если бы удар не пришелся главным образом по стремени, то быть бы мне без ноги. Конечно, ушибленная часть опухла, и пришлось ехать в чулке. Возмутительно было, что киргизы, видя, как я, почти кувыряясь, соскочил с лошади и нуждаюсь в помощи, спокойно, не оглядываясь, продолжали свою дорогу. Сазонов им напомнил, как нужно поступать в таком случае... Видел пик Кауфмана³⁷.

7 августа.

(Кызыл-арт?) Бор-даба³⁸. Вот и с Памиром мы распрощались и попал опять в Бор-дабу... Дров, как и в первый раз, не оказалось, и на наши желудки надвигалась перспектива подождать завтрашнего дня. Но Сазонов выкроил огромное полено арчи³⁹ у своих земляков, здешних таможенных объездчиков. Вскоре поэтому поспел чай, баурсаки, и теперь шипит даже плов. Сегодняшний день выдержал характер, нигде погода не сорвалась на снег, и даже на Маркан-су по-прежнему дул головолomный ветер.

Только что сидел на лужайке около рабата и смотрел на закат солнца и Алайские горы. Чем я, собственно, наслаждался, трудно решить, но мне было как-то неопределенно хорошо и томительно грустно. Смотрел, как вся окружающая местность долины реки, Алай постепенно темнели и купались в темно-лиловых густых облаках, и в душу приходило что-то неясное, тревожное и в то же время невыразимо хорошее. Тихо кругом было удивительно, только кулички да жалобный крик взлетевшей атайки порою нарушали этот могильный покой. Однако пора наблюдать. Выходит луна.

10 августа

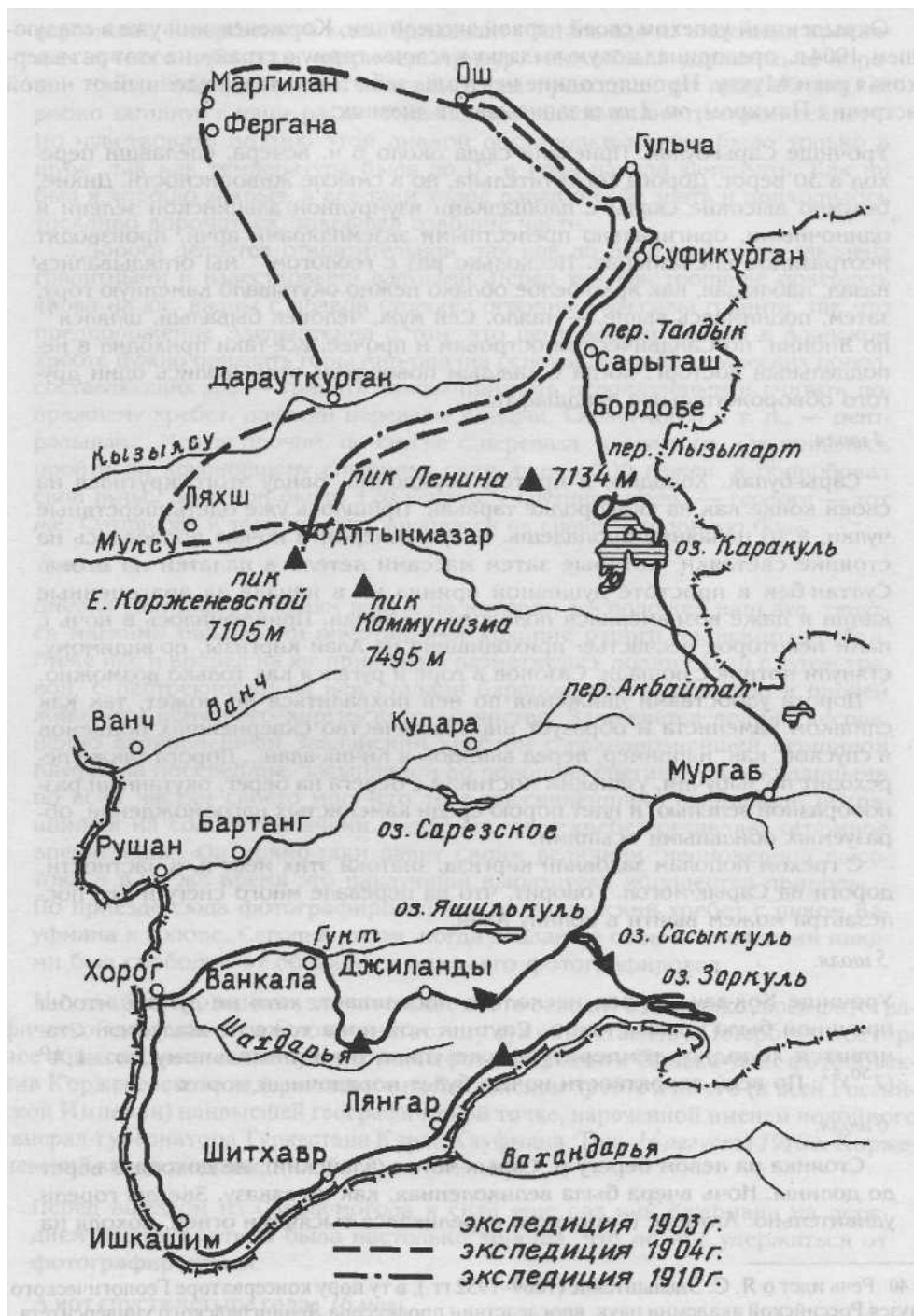
А хороша гроза в горах, особенно в больших! При каждом ударе поднимается нечто невообразимое — и хохот, и стон, и вой. Все это мешается в диком беспорядке, и своей страшной силой прямо оглушает путешественника. Вечерок теперь хорош, и есть надежда, что завтра доплетемся до Гульчи не по дождю.

Первая экспедиция Николая Корженевского приближалась к своему завершению: без малого за два месяца его караван вьючным порядком прошел около 1500 километров. Свои памирские впечатления будущий ученый изложил на страницах журнала «Труды Общества землеведения», что при Петербургском университете. Эта географическая публикация молодого Корженевского вызвала в научных кругах живой интерес. В рецензиях, в частности, было отмечено «недурное общее географическое описание и ряд интересных наблюдений». К тому же Николай Леопольдовича избрали действительным членом Общества землеведения.

37 В 1928 г. переименован в пик Ленина.

38 По какому поводу путешественник ставит вопрос, неизвестно, но селение Бордобе действительно находится возле перевала Кызыларт.

39 Растущее на Памире и Тянь-Шане дерево из рода можжевельных.

Маршруты памирских путешествий Н. Л. Корженевского

Окрыленный успехом своей первой экспедиции, Корженевский уже в следующем, 1904 г., предпринял новую вылазку в «свою» горную страну, на этот раз в верховья реки Муксу. Прошлогодние невзгоды забыты, и, возбужденный от новой встречи с Памиром, он 3 июля записывает в дневник:

Урочище Сары-булак. Приехали сюда около 6 ч. вечера, сделавши переход в 30 верст. Дорога восхитительна, но в смысле живописности. Дикие, безумно высокие скалы с площадками изумрудной альпийской зелени и одиночными, оригинально прелестными экземплярами арчи, производят неотразимое впечатление. Несколько раз с геологом⁴⁰ мы оглядывались назад, наблюдая, как ярко-белое облако нежно окутывало каменную гору, затем, поднимаясь выше, — таяло. Сей муж, человек бывалый, шлялся⁴¹ по Японии, по Сандвическим островам и прочее, все-таки приходил в неподдельный восторг, когда с каждым поворотом открывались один другого обворожительнее ландшафты.

4 июля.

Сары-булак. Холодно, и притом порядочно. Ввиду этого крутился на своей койке как на сковородке таракан. Пришлось уже одеть шерстяные чулки, а то нечаянно пропадешь. Вчера вечером и ночью попадались на стоянке светляки, которые затем массами летели в палатки на огонь. Султан-бек в простоте душевной принял их в начале за драгоценные камни и даже вознамерился положить в карман. Приключилось в ночь с нами некоторое несчастье: приходившие на Алай киргизы, по-видимому, стянули потник с лошади. Сазонов в горе и ругался как только возможно.

Дорога удобствами движения по ней похвалиться не может, так как слишком камениста и образует иное количество сквернейших подъемов и спусков, как, например, перед выездом в Кичик-алай... Дорога также переходит по зыбучим, узеньким мостикам с берега на берег, окутанный разнообразной зеленью, и идет порою среди каменистых нагромождений, образуемых обильными осыпями.

С грехом пополам заловили киргиза, знатока этих мест и, в частности, дороги на Сарык-могол. Говорит, что на перевале много снега и что послезавтра можем выйти в долину Алай.

5 июля.

Урочище Кок-зау. Голова несколько побаливает, хотя не думаю, чтобы причиной была высота места. Спутник мой пока тоже не жалуется. Становится холодно, температура уже упала по-минимальному до +1,4° (7³⁰)⁴². По всей вероятности ночью будет порядочный мороз.

6 июля.

Стоянка на левом берегу р. Сарык-могол (алайский), не доходя 8 верст до долины. Ночь вчера была великолепная, как по заказу. Звезды горели удивительно. Антарес (Скорпион) переливался тысячами огней, походя на

40 Речь идет о Я. С. Эдельштейне (1869—1952 гг.), в ту пору консерваторе Геологического музея Российской академии наук, впоследствии профессора Ленинградского университета.

41 Имеются в виду путешествия Я. С. Эдельштейна с 1901 по 1903 гг.

42 По-видимому, указано время.

огромный, совершенной воды бриллиант. Остальные из виденных красавцев ночного неба, как, например, Арнеур, также были удивительно хороши. Около наших палаток несколько раз проходили по небу облака, и, робко заглянув в наше расположение, пропадали в таинственной темноте. Но чувствовать поэзию этой дивной обстановки можно было только в шубе, так как температура была до 0° и вода начала замерзать. Как ни был я хорошо закрыт, а все-таки холод давал о себе знать и приходилось тоскливо ворочаться, закрывая озябшие части.

...Дорога делается отвратительной, так как до невозможности завалена гранитными и известковыми валунами. Перед тем как тропинке повернуть снова на юг, видны с правой стороны огромные массивы гранита, так что предположение Эдельштейна о том, что центральной частью в Алайском хребте нужно признать горы Аир-таш (на основании кристаллических пород, составляющих их, — гранит), нужно признать недоказанным и считать по-прежнему хребет, дающий перевалы Киндык, Сарык-могол и т. д., — центральным... Между прочим, по спуске с перевала, после того, как пришлось пройти по крупнейшему снежному скату около 200 сажен, я попробовал свой пульс. Делал он около 120 ударов, у спутника моего — геолога — тот же. Султан-бек к тому же еще жаловался на сильную головную боль.

8 июля.

Дневка (там же). По краям плато, на котором расположен наш аул, тянутся мягкими овальными очертаниями крайние отроги Алайского хребта. Ниже нас и вперед на юг привольно разметнулась долина Алай с тугой травой, с пестреющими на ней стадами баранов, коз, верблюдов и прочей живности немудрого киргизского хозяйства. Замыкается долина несравненно великолепным Заалайским хребтом с грандиознейшей вершиной Кауфмана посередине, засыпанной до подошвы снегами, с раскиданными по всем частям своего могучего тела массивнейшими ледниками, искрящимися на солнце тысячами звездочек, этот хребет оставляет огромное впечатление. Он прямо-таки давит своим величием, невероятной высотой, и в то же время это наилучший выразитель могущества природы... По приезде сюда фотографировал вид на Заалайский хребет с пиком Кауфмана в голове. Сегодня утром, когда Заалай со своими снежными пиками был свободен от облаков, я опять его фотографировал.

Николай Леопольдович значительное место отводит в дневнике своей фотографической деятельности. Оно и понятно: ему нужно доставить в Петербургское горное общество «описание путешествия с фотографиями». Однако чаще фотообъектив Корженевского задерживается на Заалайском хребте и на его (и всей Российской Империи) наивысшей географической точке, нареченной именем покойного генерал-губернатора Туркестана Карла Кауфмана. Так, *16 августа 1910 г.* Корженевский внес в дневник:

Перед выездом из Сарык-могола я снял еще раз пик Кауфмана на переднем плане. Картина была настолько хороша, что не мне удержаться от фотографирования.

А вот спустя четыре года, *16 мая*:

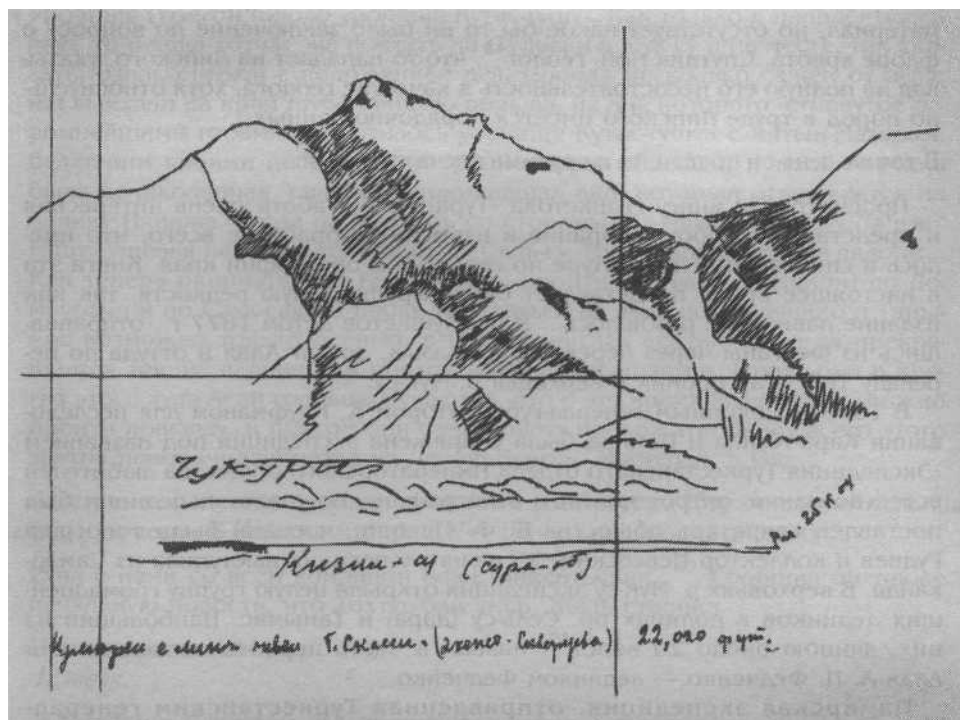
По дороге от Коман-су снял пик Кауфмана, то же сделал и от переправы близ устья р. Кашка-су.

*Пик Кауфмана (пик Ленина) с севера, из ущелья Ачикташ.
Снимок сделан с расстояния 5 км от вершины. Фото из архива П. Ф. Пэтэрса*

Этот фотографический интерес Корженевского, думается, в комментариях не нуждается. А позже, во время экспедиции на Сарезское озеро в 1923 г., Корженевскому довелось работать даже в качестве кинооператора. Но вот где сегодня эти отснятые тогда триста с лишним метров киноплёнки, как и множество экспедиционных фотоснимков, это вопрос. В деле Корженевского в Ташкентском госархиве фотографий, может быть, всего около полусотни штук, да и те, как правило, личного характера, незначительных форматов и неважного качества. Да и снимки эти в основном послевоенного периода. Правда, В. Рацек в своем предложении издательству «Мысль» издать дневник ученого указывает (без ссылки на их местонахождение) на наличие некоторого количества фотографий (17–20 шт.), но и на них запечатлен сам ученый либо его супруга Евгения Сергеевна. А где снимки Памира и его обитателей-туземцев?

Зато, благодаря дневнику Корженевского, до нас дошел, пожалуй, первый рисунок «могучей вершины Заалайского хребта», сделанный им тушью с перевала

Первый из известных рисунков пика Кауфмана (пик Ленина, 7134 м), сделанный Н. Л. Корженевским 25 июня 1904 г. с перевала ущелья Сарык-Могол (3112 м) с расстояния около 40 км

ущелья Сарык-Могол (3112 м). Современный географ или альпинист узнают здесь без труда вершину, переименованную в советское время в пик Ленина. Под рисунком Корженевский указывает и высоту пика — 22020 футов (6712 м), однако это не результат его собственных геодезических измерений — исследователь лишь повторил высоту пика, определенную в 1878 г. геодезистом А. И. Скасси из экспедиции Н. А. Северцова. Позже, однако, Николай Леопольдович возвращается к этой цифре и ставит рядом новое определение — 23423 фута (7139 м), что практически совпадает с настоящей высотой пика Ленина (7134 м). Забавно, что, переводя футы в метры, Корженевский вывел в кавычках ошибочную цифру «7120». Что ж, и такое случается!

Несмотря на стесненные условия экспедиции и трудности передвижения, Корженевский держал при себе и небольшую библиотечку. Как только выдавалась дневка, он сразу брался за чтение. 8 июля 1904 г. он поделился впечатлениями от прочитанного:

Вчера познакомился с трудом ботаника Липского⁴³, работавшего в течение трех лет на хребте Петра Великого. Благодаря обилию мелочей терья-

43 В. И. Липский (1863—1937), член-корреспондент Академии наук СССР, автор трудов по систематике и географии высших растений Кавказа и Средней Азии. Именем В. И. Липского назван один из ледников Памира.

ются более существенные выводы, так что впечатление остается какое-то неопределенное. В ботаническом отношении там собран значительный материал, но отсутствует какое бы то ни было заключение по вопросу о флоре хребта. Спутник мой, геолог⁴⁴, что-то нападает на Липского, указывая на полную его несостоятельность в качестве геолога, хотя относительно пород в труде Липского имеется порядочно данных.

В тот же день он поделился и другими впечатлениями:

Просматривал книгу Мушкетова «Туркестан». Работа очень интересная и представляет собою собрание в известной обработке всего, что имелось в специальной литературе по геологии и орографии края. Книга эта в настоящее время представляет библиографическую редкость, так как издание давно уже разошлось... И. В. Мушкетов летом 1877 г., отправившись из Ферганы через перевал Кара-казык, достиг Алая и оттуда по перевалу Терс-агар проник в верховья р. Мук-су.

В 1878 г. покойным генерал-губернатором К. Кауфманом для исследования Кара-тегина и Памира была снаряжена экспедиция под названием «Экспедиция Туркестанского отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Во главе экспедиции был поставлен секретарь общества В. Ф. Ошанин, членами были топограф Руднев и коллектор Невесский. 25 июня экспедиция выступила из Самарканда. В верховьях р. Мук-су экспедиция открыла целую группу громадных ледников в долинах рр. Сель-су (дара) и Танымас. Наибольший из них, длиною около 20 верст⁴⁵, назван в честь первого исследователя Алая А. П. Федченко — ледником Федченко.

Памирская экспедиция, отправленная Туркестанским генерал-губернатором Черняевым, состоящая из офицера генерального штаба Путьяты, горного инженера Иванова и топографа Бендерского, возвращалась с Памиров⁴⁶ на перевал Тахта-курум и Джанги-давак, вышла на р. Мук-су, с которой отправилась обратно.

В 1884 г. летом г. Грум-Гржимайло из Ферганы прошел через перевал Кара-казык в Алай, затем в Кармук и оттуда на Мук-су, с которой отправился обратно.

Значит, мое посещение будет 5-м по порядку визитов в верховья Мук-су.

Собрались около моей палатки киргизы с баем. Благодаря Сазонову хохот у них стоит несмолкаемый. Вот умеет ладить с ними человек. Прямотаки на диво. Стоит ему только появиться среди киргиз, как начинаются шутки и самый заразительный смех.

9 июля.

Урочище Кара-су (зимовки, не доезжая Мазара). Завтра, вероятно, войдем в ущелье Алтын-дар, до которого по 10-верстовой карте осталось не более 20—25 верст, что в сравнении с сегодняшним переходом — пустяк.

44 Я. С. Эдельштейн.

45 По более поздним измерениям — 77 км.

46 В то время Памир был поделен на несколько регионов, отсюда и название целостного Памира во множественном числе — «Памиры».

11 июля.

Урочище Гозегой (около урочища Кутас-гушт). Как только я напился здесь чаю, то решил тотчас же поехать на Саук-сай и Мук-су и на месте, так сказать, ознакомиться с положением дел. Пройдя несколько сажен от аула, мы выехали на край глубочайшего обрыва, на дне которого, стиснутое огромнейшими горами, приютилось урочище Кутас-гушта с Алтын-Мазаром, белевшим своими постройками среди зелени облепихи и тала. Картина была великолепная, сильно напоминавшая вид, который открывается на долину Пянджа, когда подъезжать со стороны Юл-Мазара к посту Лянгар-гишт. Ущелья рек Саук-сая, Каинды, Сель-су, Мук-су видны как на ладони... Как теперь окончательно выяснилось, пройти по Мук-су (пешком) до Домбурачи и по Саук-саю, а также наведаться на ледники Федченко и Танымас возможно только осенью, в первых числах сентября, когда прекращается таяние ледников и приток воды прекращается. Тохтур-бай и киргиз этого аула Асан головою ручаются, что в это время (осенью) возможно пройти повсюду, и притом они сами пойдут провожать. Ввиду всего этого завтра поворачиваю назад на Дараут-Курган, Маргелан, в Ош...

А десять лет спустя, оказавшись вновь в этих местах, Корженевский услышал печальную весть. В Измаил-мазаре (10/V—1914 г.) он пишет в дневник:

Ехал с нами со всей командой Влад. Викентьевич...⁴⁷ Сообщил он также печальную новость, что Тохтур-бай умер. Жаль старика.

Но вернемся в 1904 год.

12 июля.

Урочище Сартагай. На прощание (думаю, не очень продолжительное) снял в Гозегое группу, себя и своих прежних с будущими моими проводниками по Мук-су, Асаном и Тохтур-баем. День или, точнее, утро было восхитительное. На великанах Сандалика, Музджилга, ярко сверкавших своими мощными ликами на темной лазури неба, были видны до необычайной ясности мельчайшие подробности.

Сейчас в юрте масса народу киргиз, слушают вместе со мною усто-музыканта Мамата-али.

Играет он на кияке, инструменте, отчасти напоминающем нашу скрипку и также снабженном смычком, но с двумя только струнами, из которых каждая составлена из нескольких конских волос. Еще лучше в отношении к технике он играет на комусе, доходя даже до виртуозности.

Не знаю, как на кого, а на меня эта простая безыскусственная музыка сильно действует. Чем объяснить — не знаю: своей ли нервозностью или тем, что музыка слишком выразительна своею простотою и скорее доходит до сердца — сказать трудно. Слишком много в этой музыке чего-то невысказанного, неопределившегося, какой-то глубокой щемящей тоски, излившейся в неясном болезненном звуке где-то лопнувшей в пространстве струны.

14 июля.

Крепость Дараут-курган. Прощай, старина Заалай, прощай со своими могучими пиками, вечными стражниками пустынного Памира. Когда-то

⁴⁷ Фамилия, к сожалению, написана неразборчиво.

Николай Корженевский в первом ряду в центре (в халате), за ним стоит солдат Ошского гарнизона Семен Сазонов. 12 июля 1904 г.

вновь полюбуюсь бриллиантовыми кронами твоих величественных вершин. Прощай!

Перевал Тенгиз-бай⁴⁸. Какая оживленная дорога на перевале Тенгиз-бай! Встречи непрерывно. Идут все больше каратегинцы, неся огромные вьюки за спиной. И какие это все неутомимые ходоки. Публика все больше рваная до последней возможности. Живется им под ногой бухарцев, очевидно, не очень богато.

16 июля.

По дороге сюда встречались вереницами опять каратегинцы, с истомленными, испуганными лицами. Идут они, как оказалось, с заработков из Андижана. Накупили себе скота, обновок, а теперь возвращаются на родину в Каратегин.

Относительная неудача весной не расстроила Корженевского, и в сентябре того же года он довел задуманное до конца. Более того, 1904 году суждено было стать началом вереницы его больших и малых открытий. Именно во время той осенней экспедиции Корженевский открыл в верховьях Муксу (на хребте Петра Великого) науке доселе неизвестный ледник, которому дал имя знаменитого исследователя

⁴⁸ Предположительно 15 июля.

Памира И. В. Мушкетова. Об этом он сообщил в своем путевом отчете «По реке Мук-су (от Памира до Каратегина)» в «Туркестанских ведомостях» (№ 159, 5 ноября 1904 г.).

Следующий беспокойный 1905 год, взбудораженный революционными событиями в России, стал в жизни Корженевского не менее значительным. Совершив вылазку в Алайскую долину, он, среди прочих перевалов Алайского хребта, им описанных, открыл и доселе неизвестный перевал Кальтабоз, путь через который из Алайской долины в Ферганскую стал гораздо короче (об этом Корженевский писал в «Туркестанских ведомостях», № 108 за 1905 г.). Тем не менее современному читателю упоминание об этом открытии может показаться незначительным, а само открытие — преувеличенным. На самом деле для того времени это было довольно важное открытие, как с экономической точки зрения, так и с военной. Ведь в ту пору передвигались на Памире либо пешком, либо в седле.

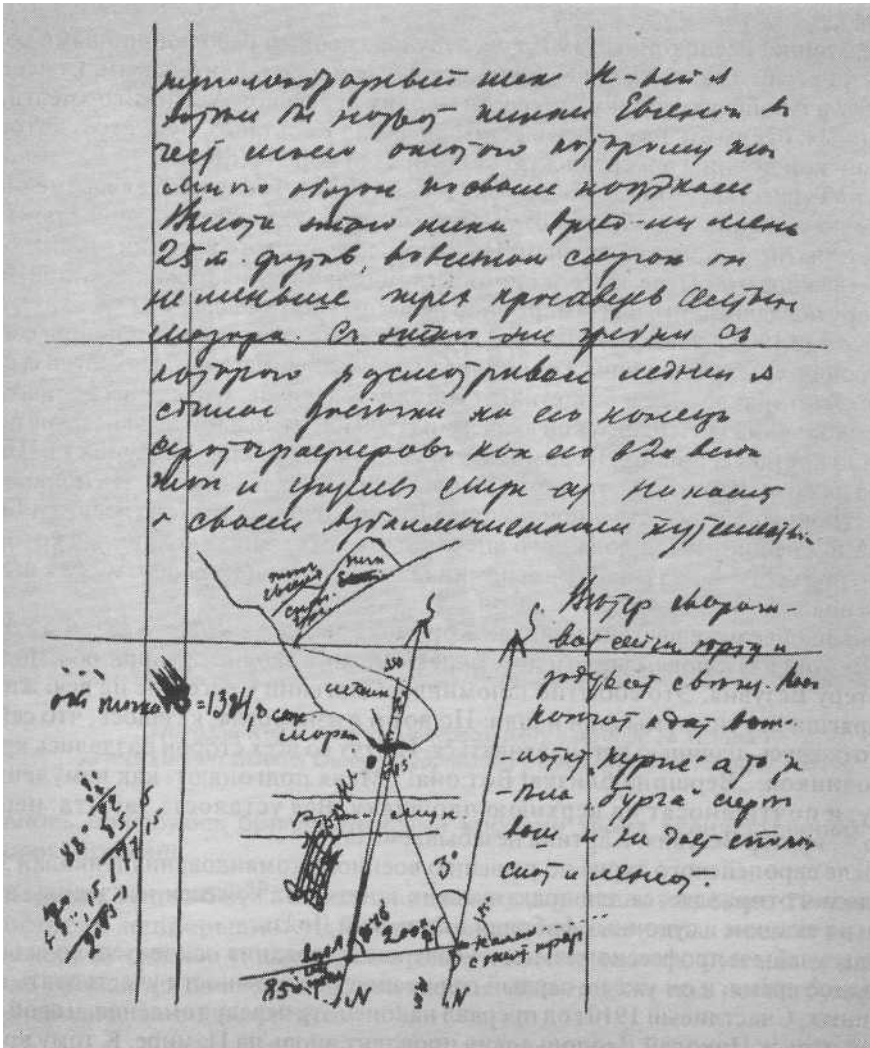
А осенью 1905 г. Николай Леопольдович женился на дочери командира своего батальона Сергея Ивановича Топорнина, на 24-летней Евгении. Началась его долгая и счастливая, хотя и бездетная, супружеская жизнь. Спустя несколько лет, после окончания Интендантской академии (1909 г.), молодые Корженевские приняли поездку в Европу. Первым делом ученый-гляциолог направился в Швейцарию для ознакомления с тамошними классическими ледниками. На привыкшего к нетронутой величественной природе Памира Корженевского ледники Бернских Альп не произвели должного впечатления. «Что это за ледник, на который можно подъехать в коляске?!» — вспоминала позже реакцию своего мужа Евгения Сергеевна.

Дальнейшее путешествие привело Корженевских в Австрию, а затем и в Италию. Будучи в Неаполе, супруги посетили Помпею, а заодно предприняли подъем к кратеру Везувия. Это событие запомнилось Евгении Сергеевне на всю жизнь: «Напрягши все силы, мы шли и шли. Но вот и я изнемогла, казалось, что сейчас тоже откажусь, начинаю останавливаться. Но тут со всех сторон раздались крики проводников: "Вершина близка! Вот она!" Меня подгоняют, как измученную клячу, и почти вносят на верхнюю площадку. Вся усталость забыта: передо мною — кратер Везувия. Картина незабываемая».

После европейского турне по решению военного командования Николай Леопольдович отправляется для практических занятий на кожевенные заводы в Казань и на ткацкие и суконные фабрики в польский Лодзь.

Годы учебы и профессионального совершенствования основательно «съели» свободное время, и он уже не первый год не имеет возможности участвовать в экспедициях. Счастливый 1910 год прервал наконец эту череду томления, и свой очередной отпуск Николай Леопольдович проводит вновь на Памире. К тому времени чета Корженевских уже переехала в город Скобелев (ныне узбекский город Фергана).

И вот настал день, когда Корженевскому суждено было сделать первое свое принципиальное открытие (1910 г.). 31-летний офицер открыл доселе неизвестный «куполообразный пик, который... хотел бы назвать пиком Евгении...» Здесь, однако, следует прервать цитату и сделать небольшое отступление, чтобы разобраться в кое-каких неточностях. Владимир Рацек в своей книге «Пять высочайших вершин СССР» (Ташкент, 1975) расшифровал далее эту дневниковую запись следующим образом: «...в честь моего друга, которому так много обязан по своим поездкам». Но это не совсем точно, как в дневнике: достаточно взглянуть на 31-ю страницу книги В. Рацека, где приведена репродукция этой странички из дневника ученого. Там можно прочитать: «Куполообразный пик, который я хотел бы назвать

Страничка из полевого дневника Н. Л. Корженевского
с рисунком только что открытого пика Евгении

пиком Евгении моего ...⁴⁹, которому так много обязан по своим поездкам...». По-видимому, В. Рацек почувствовал, что такую расшифровку нельзя считать удовлетворительной, и в своей более поздней книге «Н. Л. Корженевский» (Ташкент, 1977) фотокопию дневниковой странички он привел уже без вышеуказанной фразы. В те годы не было принято давать географическим объектам имена жен или других близких людей. Конечно, строчка в рацековском домысливании сама собой неплоха. Но как бы ни обстояло дело, Корженевский во время своей послед-

49 Далее следует слово, написанное неразборчиво.

ней предреволюционной экспедиции на ледники Федченко и Мушкетова в 1914 г. (т. е. спустя четыре года после открытия «пика Евгении»), будучи 13 мая в Алтын-мазаре, записал в дневник:

И в самой Мук-су воды оказалось столько мало, что мы без малейшего труда перебрались на другую сторону к мощной стене конгломерата, известной среди киргиз тем, что с этих обрывов убилося 50 шт. овец, которых гнали с гор волки. Проехав Аюджилгу, мы поднялись на маленькую террасу и остановились у юрты, выставленной здесь для нас... Я горел нетерпением увидеть вблизи себя Кара-сель и *торопился снять общую картину с пиком Е. К. на заднем плане... По словам того же Игамберды, пик Е. Корженевской и служит главным источником ледника Кара-сель* (курсив мой — П. П.). Точным образом мое первоначальное и позднейшее предположение о том, что ледник длиною не менее 10 верст и что он питается льдами пика Корженевской, вполне подтвердилось.

Евгения Сергеевна, верная спутница жизни ученого, с пониманием относилась к экспедиционной жизни своего вечно куда-то командированного мужа. А это совсем не маловажно для полевого человека. Не по годам мудрая Евгения стала тем тылом, тем питающим душу успокоительным источником, где исследователь находил покой после изнурительных путешествий и где созревали новые замыслы. Сила духа Евгении помогла им выстоять и в непростые дни октябрьской революции... В Скобелев, взамен царскому мироустройству, пришла революция, и город был переименован в Новый Маргилан. (Имя легендарного героя Шипки царского генерала Скобелева не было тогда, естественно, в почете.) «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете на это право. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», — доносилось из Питера обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 года... Однако уже осенью 1918 г. власть в Ферганской области поменялась — большевиков вытеснили отряды белогвардейцев и националистов из «Кокандской автономии». Началось басмачество... Вскоре революционные порядки были восстановлены: из Алма-Аты пришли части Красной Армии и началось выявление скрывавшихся белогвардейцев и сочувствовавших им граждан. В такой ситуации положение Корженевского было не слишком завидным: он ведь с 1914 г. по 1916 г. во время первой мировой войны находился на Западном фронте в составе 1-го Туркестанского корпуса и в Скобелев возвращался 25 марта 1917 г. в чине полковника после расформирования старой доблестной русской армии... По всему городу прошел слух, что под репрессии революционно настроенных людей попадут первым делом кадровые офицеры и интеллигенция. И многие предпочли скрываться. Советовали и Корженевским уйти на Памир, однако Николай Леопольдович категорически отверг это предложение: «Если и умрем, то будем жертвами революции!»

Но жизнь постепенно вошла в мирное русло. Евгения Сергеевна, владеющая немецким и французским языками, была назначена учительницей в ферганскую среднюю школу, или, как тогда еще говаривали, «в школу старшей ступени». Директор школы Яхонтов, узнав о научной деятельности Николая Леопольдовича и о его членстве в ряде научных обществ, пригласил его тут же на должность учителя

по физике, туркестановедению и космографии. А следом на него обратили внимание и командиры Красной Армии: его вновь призвали на военную службу. Первоначально, судя по сохранившемуся военному протоколу, он в ноябре 1918 г. был назначен преподавателем военной географии на ферганских пехотных курсах, а затем переведен на должность начальника снабжения 2-й ферганской дивизии. Но где бы и в каком качестве он ни работал, везде деятельность Корженевского вызывала интерес. Этим, вероятно, и отличается личность от персоны ординарной. В 1920 г. Корженевский был вызван в Ташкент командующим войсками Туркфронта М. В. Фрунзе и назначен начальником снабжения фронта.

Одновременно с военным назначением Корженевского ввели и в состав организационной ячейки по формированию в Туркестанском государственном университете военного факультета. 15 мая 1922 г. квалификационная комиссия университета утвердила его в должности профессора по кафедре географии. В последующие годы ученый был избран профессором физико-математического факультета и факультета обществоведения. Деятельность Корженевского вновь стала обустраиваться на рельсах науки, впереди был наиболее плодотворнейший период его жизни.

В 1926 г., после очередной поездки на Памир, Николай Леопольдович приступил к составлению своей, ставшей впоследствии знаменитой, карты ледников. Работу над первоначальным вариантом он завершил уже в следующем году. Это дело было исключительной важности не только потому, что Памир был изучен еще довольно-таки поверхностно и бессистемно, но и потому, что лед и снег в горах — это прежде всего аккумулированная для азиатских полей Влага. А что значит вода для человека в Азии, объяснять не приходится. Вот какую картину нарисует Корженевский три десятилетия спустя:

По развитию области оледенения и по количеству ледников Средняя Азия занимает одно из первых мест на земном шаре. Если еще совсем недавно в глазах многих исследователей возможность обширного оледенения в этой области нашей страны как-то плохо вязалась с ее общеизвестной сухостью, то теперь в результате систематических исследований выявилась картина совершенно исключительного оледенения в горных областях Средней Азии⁵⁰.

Составление Корженевским карты-схемы ледников было расценено многими историками и биографами ученого как важное событие. В 1928 г. план-схема ледников был неопределимой подмогой для членов советско-германской памирской экспедиции при ликвидации «белых пятен» Памира. Исследователи высоко оценили труд Корженевского, который, кстати, и сам участвовал в работе этой экспедиции.

В последующие годы ученый уточнял и дополнял свою карту ледников. Работа была завершена в 1930 г. и издана в Ташкенте под названием «Каталог ледников Средней Азии». Этот труд охватил 1236 ледников Тянь-Шаня и Памиро-Алая с указанием их местоположения, высоты конца ледника и высоты снеговой линии над уровнем моря, местонахождения отметок, позволяющих наблюдать за скоростью движения ледников... В каталоге имеются также сведения об исследователях, которые первыми увидели тот или иной ледник и его описали.

Издание обратило на себя внимание. Оно было отмечено наградой Комитета по гидрометеорологии. Рецензент «Каталога» академик Юлий Михайлович Шокальский послал Н. Корженевскому телеграмму: «Радуюсь, что вам удалось и выполнить такую работу, и напечатать ее. И так чисто, и хорошо» (3 марта 1931 г.).

50 Газета «Правда Востока», 29 сентября 1934 г.

В те же годы состоялось и третье принципиальное открытие Корженевского. 25 февраля 1927 г. в Ташкенте, на заседании Среднеазиатского отдела Русского географического общества, ученый сделал доклад об итогах своей прошлой экспедиции. Приведенные им новые данные о хребтах Сельтау и Куй-Лазырь произвели сенсацию: новый горный хребет на Памире! Но у этого открытия была длинная предыстория.

Первые сведения о верховьях реки Муксу, где и берет свое начало открытый Корженевским горный хребет, принадлежат члену Алайской экспедиции Льву Феофановичу Костенко, который 19 августа 1876 г. первым из европейцев увидел эту «глубокую впадину вроде исполинского корыта с гладким и плоским дном»⁵¹. Костенко упоминает также о снеговом хребте на южной стороне долины⁵², высшую точку которого оценивает в 25 тысяч футов.

А среди заметок Владимира Федоровича Ошанина, открывшего в 1878 г. хребет Петра Великого и ледник Федченко, есть и одно любопытное, хотя и неверное, наблюдение: «Я более всего склонен думать, что его начало (хребта Петра) составляют пики у летовки Тупчек⁵³, поднимающиеся прямо к югу от устья реки Мук-су, от этого места хребет тянется вдоль левого берега Сурхоба, имея общее направление с запада-юго-запада на восток»⁵⁴.

В 1892 г. северо-западный Памир и Дарваз посетил капитан генерального штаба Кузнецов. В изданной в 1893 г. Ферганским статистическим комитетом книге он заметил, что «над как бы разбушевавшимся морем с громадными пенными волнами — вечноснежными вершинами... высится, как великан, горный узел Куи-Лазырь, видимый почти со всех перевалов»⁵⁵.

В июле 1908 г. на Памире была рекогносцировочная партия Николая Ивановича Косиненко. В поисках легендарного перевала Кашалаяк он двигался по леднику Федченко до его первого правого притока, где и остановился на бивуак, а сам ледник вошел в историю под названием «Бивачный». Но куда бы ни направлялся в дальнейшем Косиненко, Кашалаяк он обнаружить так и не смог — всюду на его пути вставал непреодолимый гребень Сельтау.

В 1910 г. на Памире работала немецко-австрийская экспедиция (*Der deutsche und österreichische Alpenverein*) под руководством Вилли Рикмер-Рикмерса. Результаты работы этой экспедиции, благодаря опытности персонала и качественному снаряжению, оказались довольно значительными: были выяснены особенности тектоники хребта Петра Великого и доказано громадное распространение в этом хребте морских меловых отложений, описан новый морфологический тип ледника, который назван «туркестанским», а также совершен ряд восхождений на некоторые вершины в западной части хребта, что в дальнейшем позволило дать весьма связное представление об этом районе... В отчете экспедиции есть также один довольно удачный фотоснимок, на котором под названием пика Гармо на самом деле запечатлен (впервые, пожалуй!) будущий пик Сталина, — впоследствии пик Коммунизма — высшая географическая точка СССР.

В первой четверти XX в. (1904, 1910, 1914, 1923—1926 гг.) в разных районах Памира был и Н. Л. Корженевский. Научные наблюдения и анализ работ других ученых привели Корженевского к открытию на Памире нового мощного хребта:

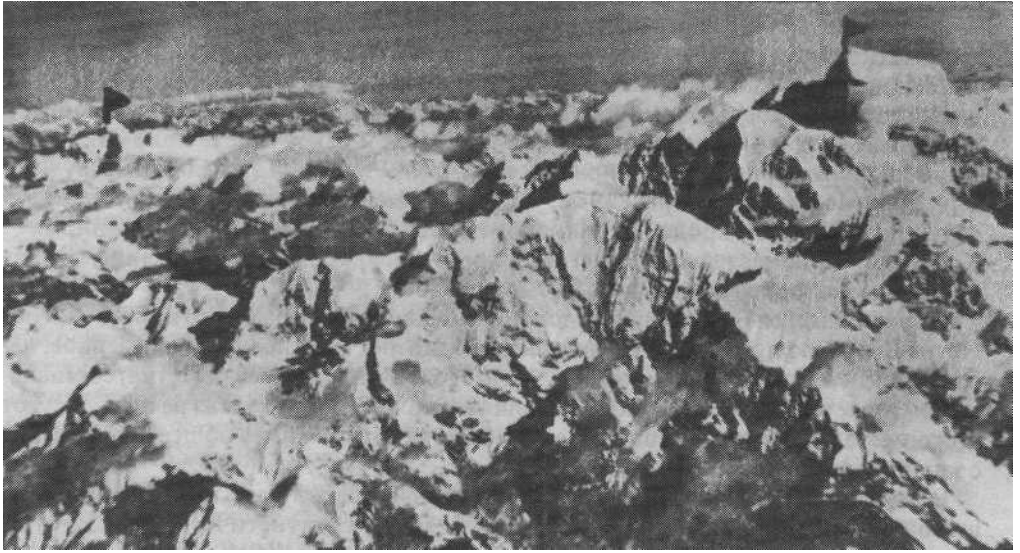
51 Цит. по: Н. Л. Корженевский. Геоморфология и оледенение Памиро-Алая. Ташкент, 1979, с. 30.

52 Горы Гоу, т. е. Алтын-Мазарские вершины Музджилга, Сандал, Шильбе.

53 Речь идет опять-таки о трех вершинах Алтын-Мазарских Альп.

54 Н. Л. Корженевский. Геоморфология и оледенение Памиро-Алая, с. 31.

55 Цит. по: В. И. Рацек. Н. Л. Корженевский. Ташкент, 1977, с. 29—30.

*Участок меридионального хребта Академии наук СССР
от пика Е. Корженевской (слева, 7105 м) до пика Коммунизма (7495 м).
На первом плане вершины хребта Петра Первого*

Главная цепь хребта Петра... примыкает на востоке к меридиональному поднятию, отходящему от пика Муз-джилга на юго-юго-запад... Описываемое поднятие, по нашим наблюдениям, является водоразделом истоков Мук-су, Гармо и Ванча, представляя *одно из замечательных и необычайно высоких поднятий всей Средней Азии* (курсив мой. — П. П.).

Так как этот водораздел не имеет совершенно никакого названия, а между тем в строении ледниковой области на границе Памира с Дарвазом ему принадлежит чрезвычайно важная роль, то мы *предлагаем именовать эту цепь хребтом Академии в честь Союзной академии наук* (курсив мой. — П. П.), которой принадлежит столь видное и почетное место в деле исследования Средней Азии... В глубине Танымасского ущелья я увидел грандиозную вершину (6623 м), которую и позволил себе *наименовать вершиной «Карпинского» в честь Александра Петровича Карпинского, маститого президента Союзной академии и виднейшего геолога Союза* (курсив мой. — П. П.), последователи и ученики которого ведут ныне столь деятельное и плодотворное исследование Средней Азии.

Тронутый вниманием академик присылает Корженевскому благодарственное письмо (1 июля 1927 г.).

Глубокоуважаемый Николай Леопольдович!

Позвольте выразить Вам мою глубокую благодарность за оказанное Академии наук внимание и за высшую честь, оказанную лично мне и, быть может, мною незаслуженную.

В Средне-Азиатской области я никаких исследований не производил и, насколько помню, этих районов касаются лишь две мои работы: о пермо-карбонных отложениях Дарваза и о горных породах Туркестанского края.

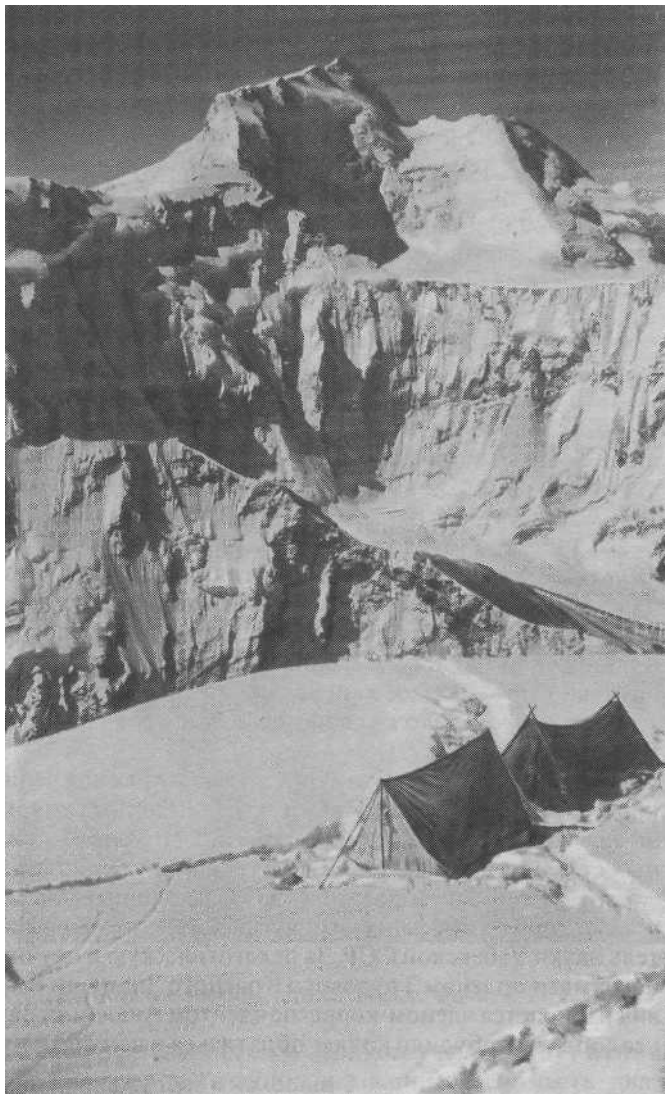
Еще раз благодарю Вас сердечно.

Искренно Вас уважающий и преданный А. Карпинский⁵⁶.

Что же именно привело Корженевского к открытию?

Как уже заметил читатель, одни исследователи видели эту меридиональную возвышенность с востока, другие — с запада, одни называли ее по-тюркски — Сельтау, другие по-персидски — Куи-Лазырем, хотя речь шла об одном и том же. Последнее обобщающее слово, которое ставило все на свои места, и принадлежало Корженевскому. Какую же должен был человек иметь интуицию, чтобы умозрительно, не видя это явление целиком и располагая только отрывочной информацией, предугадать наличие этого грандиозного горного строения природы, т. е. цепи вершин, простирающихся не только в одном направлении, а местами даже исчезнувших под ледниками. Как многие небесные тела были открыты в тиши научных кабинетов, так и Николай Корженевский открыл вдали от Памира, в Ташкенте, этот величайший хребет Памира.

Когда на алтарь науки вместе с анализом уже известной информации он положил свои наблюдения-размышления и об этом 25 февраля 1927 г. сообщил собранию Среднеазиатского отдела Русского географического общества, то все

Пик Коммунизма, снятый со склонов пика Е. Корженевской с высоты 6500 м. Фото из архива П. Ф. Пэтэрса

56 Письмо под № 10 хранится в фонде Н. Л. Корженевского (Р-2273) в ЦГА Узбекистана.

действительные члены общества единодушно признали Николая Корженевского первооткрывателем этого горного хребта. Длинная история исследования Памира подтверждает это по сей день.

Не так уж много людей могли увидеть это открытие своими глазами — по сей день таких немногим более тысячи. Автор данной публикации 16 августа 1970 г. имел такую возможность, когда стоял на высшей точке хребта Академии наук — на вершине пика Коммунизма высотой 7495 метров. Благодаря ясному дню весь 108-километровый меридиональный хребет был четко виден. На 17 километров севернее возвышалась... Гора, 7105-метровый пик Евгении Корженевской, открытый ее супругом еще в 1910 году. Без труда можно было отыскать ледники Бивачный, Федченко, Танымас, Гармо... От пика Музджилга хребет Академии наук, вдоль 72-го от Гринвича меридиана, уходит пологими изгибами на юг. Наивысшая часть хребта — это как раз его северный участок протяженностью 31 километр: здесь средняя высота гребня достигает 6361 метра. Дальше гребень хребта понижается — участок до перевала Кашалаяк в среднем возвышается над уровнем моря на 5782 метра. Южнее, до широты пика Бастион, хребет опускается ниже — средняя высота на этом 30-километровом участке — 5264 метра.

А в районе Язгулемского перевала хребет Академии наук скрывается под ледовой рекой, которая плавно перетекает через него и выливается в долину Язгулема в виде одноименного ледника... последний южный 17-километровый участок хребта, однако, вновь тянется к небесам: средняя высота гребня здесь достигает 5621 метра.

Но все это до меня уже увидели 238 горвосходителей (Федерация альпинизма Таджикистана ведет учет покорителям пика Коммунизма) и, конечно, первопокоритель высочайшей точки хребта Академии наук (и всего бывшего СССР) пика Коммунизма, сибиряк-красноярец Евгений Абалаков, которому в 1997 году исполнилось бы 90 лет... Сегодня все это кажется само собой разумеющимся, но во времена Корженевского хребет знали только отрывочно, да и то под разными названиями. Все встало на свои места после доклада Николая Леопольдовича в том памятном 1927 году.

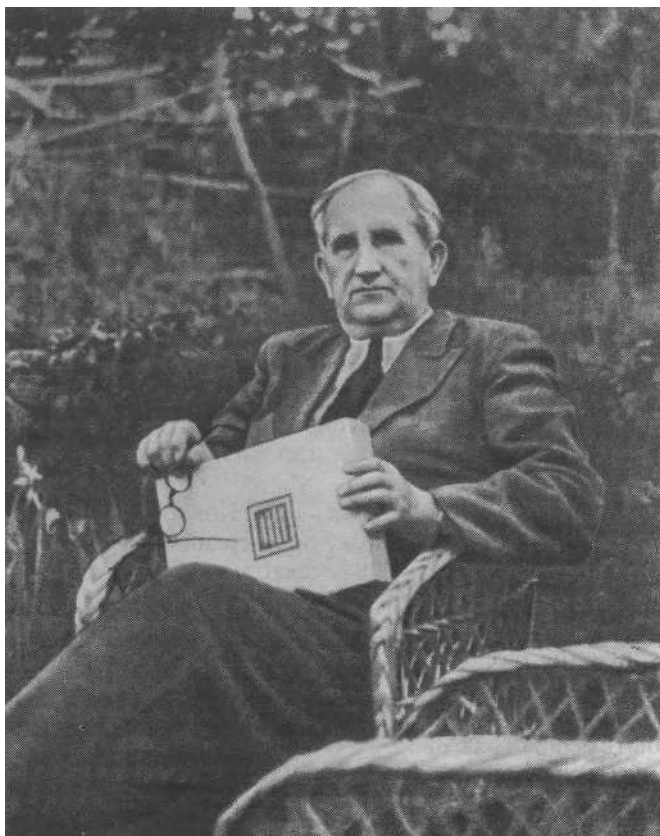
Мы сосредоточили внимание лишь на трех важнейших открытиях ученого. Но пройденные им тридцать тысяч экспедиционных километров дали нам и множество других, больших и малых, открытий. Николай Корженевский оставил 177 научных статей и монографий. Его научная деятельность была отмечена обществом самым достойным образом: в 1937 г. без защиты диссертации ему присудили звание доктора географических наук, а двумя годами позже он уже Заслуженный деятель науки Узбекской ССР. За педагогическую и научную деятельность он дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1947 г. Николай Леопольдович избирается членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР. Последнее событие побудило коллег обратиться к нему поэтически:

С высокой и заслуженной наградой
Мы скромно Вас явились поздравлять.
И мы не в первый раз собратья рады,
Вам бодрости, здоровья пожелать.
И знаем мы, что, Вам вверяя в руки
Ответственный и столь почетный сан,
Судьбу географической науки
Сумел определить Узбекистан!

(17/VI—1947 г.)

Н. Л. Корженевский до конца своих дней руководил кафедрой физической географии Ташкентского государственного университета. В 1957—1958 гг. Корженевский был научным консультантом экспедиции Академии наук Узбекской ССР на ледник Федченко по программе Международного геофизического года, детально разработав для нового поколения исследователей план научных изысканий.

Осенью 1958 г., на восьмидесятом году жизни, болезнь заставила Корженевского лечь в больницу. Дела, однако, вскоре пошли на поправку, и 31 октября он опять дома. Николай Леопольдович был в прекрасном расположении духа, шутил, а на обед позволил себе даже рюмочку красного вина. Не придавая значения тревожному взгляду Евгении Сергеевны, он начал азартно разбирать поступившую за время его отсутствия почту. Иную корреспонденцию он пробежал только глазами, отложив для более подробного знакомства, в другую — вникал обстоятельно... Наконец он устал, лег на диван и уснул... Уснул навечно...

Н. Л. Корженевский в начале 50-х гг. Фото В. П. Шеглова

Не стало прославленного исследователя Памира. Но наравне с его научно-педагогической деятельностью о великом ученом будут напоминать его географические открытия и три ледника, названные в его честь: два на Тянь-Шане (в Кокшаалтау и Заилийском хребтах) и один на Заалайском хребте Памира, открытый ученым еще в 1928 г. Именем Николая Корженевского названа и 6005-метровая вершина в центральной части Заалайского хребта. А в Каунасе и Ташкенте люди ходят по улицам, носящим имя Корженевского, и, быть может, думают, что время этого человека прошло уже очень давно. А он всего сорок лет назад жил и творил среди нас.